Весёлые истории

В. Драгунский
С. Махотин...

Весёлые рассказы и смешные истории

Весёлые рассказы и смешные истории

Рустам Анатольевич Карапетьян, Ирина Александровна Федорова, Виктор Юзефович Драгунский, Елена Владимировна Ракитина, Сергей Георгиевич Георгиев, Николай Николаевич Красильников, Леонид Львович Яхнин, Инна Липовна Гамазкова, Марина Владимировна Дружинина, Сергей Анатольевич Махотин, Владимир Иванович Благов, Олег Николаевич Тихомиров, Татьяна Владимировна Шипошина, Ирина Стояновна Горюнова, Ирина Алексеевна Антонова, Ирина Михайловна Никитина, Марат Хасанович Валеев, Ольга Павловна Кульневская, Валентина Александровна Дёгтева, Лилия Викторовна Тимофеева, Мария

Михайловна Лукашкина, Людмила Борисовна Ткаченко, Кристина Ивановна Стрельникова, Сергей Иванович Авдеенко, Ирина Вадимовна Зартайская, Татьяна Анатольевна Демидович, Людмила Григорьевна Уланова, Лариса Аникаева, Леонид Федорович Медведев, Александр Рохмистров, Ольга Владимировна Насонова, Илья Давидович Бутман, Григорий Аркадьевич Иоффе

Аннотация
Весёлые рассказы и смешные истории (сборник)
Виктор Драгунский
  Слава Ивана Козловского
  Тайное становится явным
Сергей Махотин
  Автограф
  Лужа
  Мемуары
Владимир Благов
  Волшебная лампа Стамескина
  Алфавитная диета

Маша Лукашкина
Археологи
Татьяна Демидович
Заболел
Эх, Ромашкин!
Друг
Бальные танцы
Лилия Тимофеева
Белеет бантик одинокий
Кристина Стрельникова
Беспокойная двойка
Марина Дружинина
Элементарно, Ватсон!
Ой, цветёт калина…
Наш Куку
Звезда и капуста
Ручка и ножка
Буду чемпионом!
Людмила Ткаченко
Любви все возрасты покорны, или День святого Валентина в 1 «В»
Как инопланетяне чуть Восьмое марта не украли
Жизнь в шоколаде по фэн-шую
Внешность обманчива, или Операция «Булочка»

Ирина Никитина
Во всём виновата инфузория. Невероятная история, рассказанная учеником Пузырьковым
Татьяна Шипошина
Волшебное дерево
Сергей Георгиев
Волшебное зеркало
Кувшин
Валентина Дёгтева
Дед Мороз
Лариса Аникаева
ДнИвник
Елена Ракитина
Дед Мороз в волшебной каске
Одинаковые сны
Егоркины стихи
Александр Рохмистров
Ёжик
Ирина Зартайская
А потом...
Илья Бутман
Пятёрки
Шкатулка
Жадины
Трус
Григорий Иоффе

Испорченный телефон
Ирина Фёдорова
Как стать отличником
Олег Тихомиров
Как я терял память
Сергей Авдеенко
Костя-Торобоан
Приметы
Хитрые часы
Ирина Зартайская
Что это?
Лужа
Николай Красильников
Марфуша
Ольга Насонова
Обратный счёт
Инна Гамазкова
Подарок
Людмила Уланова
Про неправильный Новый год
Ольга Кульневская
Сердитая буква
Леонид Медведев
Сидорова коза
Школьные загадки
Рустам Карапетьян

Самый-самый
Леонид Яхнин
Храбрец
Силачи
Ирина Горюнова
Чебудушка
Марат Валеев
Червячок Петя
Ирина Антонова
Иванова, Петров, Сидорова
Вредная

Аннотация

В нашей книге весёлые рассказы известных авторов — Виктора Драгунского, Леонида Яхнина, Марины Дружининой, Ирины Антоновой, Сергея Махотина и других. В книге много новых имён. Некоторые рассказы современных авторов были ранее опубликованы в детских журналах или изданы в сборниках, а некоторые — публикуются впервые. Тем интереснее будет нашим читателям полистать и почитать нашу книгу. Рассказы на самые разные темы, но все смешные и увлекательные.Составитель И. Антонова.Для младшего школьного возраста.

Весёлые рассказы и смешные истории (сборник)

© Авдеенко С. И., 2017
© Аникаева Лариса, 2017
© Антонова И. А, текст, состав., 2017
© Благов Владимир, 2017
© Бутман И. Д., 2017
© Валеев М. Х., 2017
© Гамазкова И. Л., 2017
© Георгиев С. Г., 2017
© Горюнова И. С., 2017
© Дегтёва В. А., 2017
© Демидович Т. А., 2017
© Драгунский В. Ю., насл., 2017
© Дружинина М. В., 2017
© Зартайская И. В., 2017
© Иоффе Г. А., 2017
© Карапетьян Рустам, 2017
© Красильников Н. Н., 2017
© Кульневская О. П., 2017
© Лукашкина М. М., 2017
© Махотин С. А., 2017
© Медведев Л. Ф., 2017
© Насонова О. В., 2017
© Никитина И. М., 2017
© Ракитина Е. В., 2017
© Рохмистров А. Б., 2017
© Стрельникова К. И., 2017

© Тимофеева Л. В., 2017
© Тихомиров О. Н., насл., 2017
© Ткаченко Л. Б., 2017
© Уланова Л. Г., 2017
© Фёдорова И. А., 2017
© Шипошина Т. В., 2017
© Яхнин Л. Л., 2017
© Ил., Беланов Н. В., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Виктор Драгунский

Слава Ивана Козловского

У меня в табеле одни пятёрки. Только по чистописанию четвёрка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы всё равно соскакивают. Просто чудеса какие-то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть — настоящая пятёрочная страница. Утром показал её Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера её не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю…

А так у меня одни пятёрки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле берёзонька стояла». Выходило очень красиво, но Борис Сергеевич всё время морщился и кричал:

— Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

— Настоящий кошачий концерт. Давайте-ка займёмся с каждым индивидуально.

Это значит с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишку.

Мишка подошёл к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.

Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Мишка тихонечко запел:

Как на тоненький ледок

Выпал беленький снежок…

Ну и смешно же пищал Мишка. Так пищит наш котёнок Мурзик. Разве ж так поют. Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мишке пятёрку и поглядел на меня.

Он сказал:

— Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро подбежал к роялю.

— Ну-с, что вы будете исполнять? — вежливо спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Песня гражданской войны «Веди ж, Будённый, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич тряхнул головой и заиграл, но я его сразу остановил:

— Играйте, пожалуйста, погромче, — сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

— Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

— Будет. Ещё как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как запою:

Высоко в небе ясном

Вьётся алый стяг…

Мне очень нравится эта песня.

Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьётся алый стяг.

Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,

Где виден враг!

И в битве упоительной…

Я хорошо пел, наверное, даже было слышно на другой улице:

Лавиною стремительной.

Мы мчимся вперёд!..

Ура!..

Красные всегда побеждают! Отступайте, враги! Даёшь!!!

Я нажал себе кулаками на живот, вышло ещё громче, и я чуть не лопнул:

Мы вррезалися в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи…

Я сказал:

— Ну как?

— Чудовищно! — похвалил Борис Сергеевич.

— Хорошая песня, правда? — спросил я.

— Хорошая, — сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

— Только жаль, что вы очень тихо играли, Борис Сергеевич, — сказал я, — можно бы ещё погромче.

— Ладно, я учту, — сказал Борис Сергеевич. — А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому!

— Нет, — сказал я, — я этого не заметил. Да это и не важно. Просто надо было погромче играть.

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

Как — тройку? Я даже опешил. Как же это может быть? Тройку — это очень мало. Мишка тихо пел и то получил пятёрку… Я сказал:

— Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я ещё громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю ещё одну песню. Когда я её дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

— Это какая же? — спросил Борис Сергеевич.

— Жалостливая, — сказал я и завёл:

Я вас любил…

Любовь ещё, быть может…

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

— Ну хорошо, хорошо, всё это мы обсудим в следующий раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошёл Борис Сергеевич.

— Ну, — сказал он, улыбаясь, — возможно, ваш мальчик будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым, я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай

Мамай или какой-нибудь боксёр, но в одном могу заверить вас абсолютно твёрдо: славы Ивана Козловского он не добьётся. Никогда!

Мама ужасно покраснела и сказала:

— Ну, это мы ещё увидим!

А когда мы шли домой, я всё думал: «Неужели Козловский поёт громче меня?»

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, — сказала мама. — Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама. — Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы… Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну, невозможно есть. Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал… Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она

была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень-молодец. Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — и она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте! — и подошёл к окну, и поглядел вниз. — А ещё интеллигентный человек.

— Что вам нужно? — строго спросила мама.

— Как не стыдно! — милиционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет

вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

— Не клевещите. Ничего я не выливаю!

— Ах, не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в

Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться:

— Главное, я иду фотографироваться… И вдруг такая история… Каша… мм… манная… Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то… жжёт… Как же я пошлю своё… фф… фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она тихо, — разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

Сергей Махотин

Автограф

Однажды учительница сказала:

— Дети! Завтра к нам в гости придёт живой писатель. Кто хочет получить книгу с автографом, принесите по сто рублей.

Почти все принесли. Кроме Ксюши и Стёпы. Ксюша заболела, а у Стёпы эта книга уже была. Правда, без автографа.

Увидев в руках у Стёпы книгу, Леночка фыркнула:

— Она же без картинок!

— Зато интересная! — возразил Стёпа.

— А про что она?

— Про одного хилого мальчика, которого обижали хулиганы. Но он начал заниматься спортом, стал сильным, и его перестали обижать.

Леночка опять фыркнула.

Тут прозвенел звонок, и в класс вошёл писатель.

Весь урок он рассказывал про то, что был когда-то хилым мальчиком и его обижали хулиганы. Но он начал заниматься спортом, стал сильным, и его перестали обижать.

Потом учительница раздала ученикам книги, и третьеклассники выстроились за автографами. Всем писатель написал: «На память о встрече!»

Когда дошла очередь до Стёпы, он вручил писателю книгу и объявил:

— Я уже прочитал. Дарю со своим автографом: «На память о встрече! Стёпа».

Писатель растерялся и протянул Стёпе сто рублей.

Лужа

Каждый день по дороге в школу Боря наступал на лужу. И настойчиво так! Другие наступят и дальше бегут. А Боря обязательно задержится — и ну топтать лужу ботинками. Просто не унять мальчика!

И до того это луже надоело, что дождалась она солнечного денёчка, испарилась и в небо поднялась. А потом улучила момент и наступила на Борю.

Прибежал Боря в школу, весь мокрый с головы до ног, грязный. Кричит:

— На меня лужа наступила!

Никто ему, конечно, не поверил. Но смеялись долго. И стали звать его Боря Лужин.

А фамилия у него и вправду была Лужин. Не так обидно. Можно сказать, ещё повезло ему.

Мемуары

Самое сильное впечатление встреча с писателем произвела на Серёжу. И он решил сам стать писателем. Взял чистую тетрадь и аккуратно вывел на первой странице слово «Мемуары».

Иришка, соседка по парте, спросила:

— А что такое мемуары?

— Это воспоминания о прожитой жизни, — пояснил Серёжа. — И о встречах с интересными людьми.

— Яблоко хочешь? — предложила Иришка.

Серёжа кивнул и записал: «Иришка угостила меня яблоком. Интересный она человек».

На перемене уже все знали, что Серёжа стал писателем. Каждый старался напомнить ему о себе.

— Помнишь, ты меня в раздевалке толкнул?

— А я тебе ластик одолжила!

— А я тебе подножку поставил!

— А меня вчера попугай укусил!

— А я дневник потерял!

— А я ушами могу двигать!

Серёжа кивал и записывал. Никого не упустил. И к середине второго урока мемуары были окончены.

В тот день Серёжа ходил довольный, а третьеклассники гордыми.

Назавтра Серёжа принёс в школу новую тетрадь и аккуратно вывел на первой странице слово «Сонет».

— А это что такое? — спросила Иришка.

Серёжа сделал неопределённый жест рукой, но вслух ничего не ответил. Во-первых, потому что сам не знал. А во-вторых, у него вдруг кончилось вдохновение, и творить совершенно расхотелось.

— У писателей так иногда бывает, — говорил он на перемене. — Вам ещё повезло, что я сразу с мемуаров начал. А не наоборот!

Владимир Благов

Волшебная лампа Стамескина

Я пылесосил пол в своей комнате, как вдруг в дверь позвонили. Гляжу, на пороге — Витька Стамескин, мой лучший друг. С пакетом в руках.

Он ещё не успел войти, а уже спрашивает:

— Женька, как ты думаешь, джинны на свете бывают?

— Разве что в сказках… — отвечаю.

— А это ты видел?! — и вытаскивает из пакета старинную медную лампу.

— Что это? — усмехнулся я. — Лампа Аладдина, что ли?

— Лучше! Лампа Стамескина!

— Где взял? — интересуюсь.

— А у меня тётя в музее работает. У них там запасники переполнены, вот они и отдают то, что не нужно. Я лампу взял.

— Зачем она тебе? — от нечего делать спрашиваю.

— Вот сейчас потру лампу, вызову джинна, и он исполнит мои желания.

— А ты не боишься? — подначиваю я.

— Чего?

— Ну… вдруг джинн разозлится и превратит

тебя в ишака? Или в амёбу? — говорю, а сам улыбаюсь. Ну, не верю я, что джинны так запросто, без всякой сказки, появляются.

— За что ему на меня злиться? Я же его освобожу, как Хоттабыча.

— А ты знаешь, что в течение первой тысячи лет заточения джинн обещает озолотить своего освободителя. В течение второй тысячи лет он готов подарить благодетелю все сокровища мира. Но потом терпение джинна лопается, и он обещает покарать того, кто потрёт его лампу… — делюсь я с фантазёром-приятелем тем, что когда-то в сказках вычитал. — Кстати, почему ты пришёл с этим джинном ко мне? Освобождал бы у себя дома.

Витька засопел. Ясно было, что он боится — вдруг джинн и впрямь появится, — но сознаться в этом не хочет.

— Я подумал, мы же с тобой друзья. Джинн мог бы исполнить и твои желания тоже.

Гляжу, а он уже лампу вовсю натирает. Я и глазом моргнуть не успел, как из лампы повалил синий дым. Витька с перепугу бросил лампу на пол. Дым сгустился и приобрёл очертания великанской фигуры.

— Кто меня освободил? — спросил джинн, и

голос его был подобен раскатам грома.

Мы с Витькой переглянулись. Во рту у меня пересохло от страха. Вот и не верь после этого в сказки!

— Не сознаётесь?! Придётся вас обоих наказать! — сказал джинн. — Я три тысячи лет сидел. Посидите-ка теперь вы. Хотя бы недельки три, — и джинн начал говорить заклинание:

Я хочу, чтоб три недели
В лампе отроки сидели.
Раз, два, три и вот...

Сидеть в лампе? Три недели? Без компьютера,

роботов-трансформеров, мороженого?.. Нет, этого я себе представить не мог! Не дожидаясь конца заклинания, я машинально потянулся к пылесосу, включил его и направил на джинна.

Джинна разом перекосило, стало затягивать в пылесос. Через минуту оттуда торчали только его пальцы да голова. Джинн уже не был таким свирепым.

— Пощадите! Я не хочуууууууу!

Это были последние слова джинна. Его целиком проглотил пылесос.

Не веря лёгкой победе, я мигом откинул крышку, вытащил бумажный пылесборник и заклеил отверстие клапаном. Мешок запрыгал у меня в руках. Джинн пытался вырваться на свободу, но порвать бумажный пакет почему-то не мог.

— Так ему и надо! — опомнился Витька. — Пусть ещё тысячу лет томится в этом пакете! — и для надёжности затолкал пакет в старинную медную лампу.

Мы с Витькой уставились друг на друга.

— Дааа, — сказал я. — Это первый успешный случай заточения джиннов с помощью пылесоса. Неси-ка ты эту лампу обратно тёте в музей!

Алфавитная диета

В прихожей прозвенел звонок, и Пиявкин пошёл открывать. На пороге стоял Деликатесов, толстенький одноклассник Пиявкина.

— А-а-а, Деликатесов, — сказал Пиявкин. — Привет. Тебе чего?

— Слушай, Пиявкин, у тебя есть чего-нибудь поесть? А то я ужас какой голодный.

— Заходи. Найдём, — и Пиявкин повёл друга на кухню. — Пельмени хочешь? — спросил он, открыв холодильник.

Деликатесов отмахнулся.

— Пельмени у меня дома есть. Но мне их сегодня нельзя.

Пиявкин удивился. Сам он ни за что бы от пельменей не отказался.

— А борщ вчерашний будешь?

Деликатесов облизнулся, но покачал головой.

— Нет, борщ я буду только послезавтра…. А что ещё есть? — и Деликатесов по-хозяйски подошёл к холодильнику.

— Да так. Деликатесы разные, — ответил Пиявкин.

В холодильнике стояли салатницы, вазочки,

тарелочки. На них лежали разные вкусности.

Глаза у Деликатесова стали грустные-прегрустные.

— Да-а-а, — простонал он. — Всего много, а поесть нечего.

— Как это нечего?! — возмутился Пиявкин. — Ты что, привереда?

— Нет, просто я на диете, — ответил Деликатесов.

— Что же это за диета такая, при которой есть ничего нельзя? — удивился Пиявкин.

— У меня диета особенная — алфавитная. Представь: в первый день я ем продукты на букву «А»: антрекоты, анчоусы, ананасы, абрикосы. Во второй день — на букву «Б»: бифштекс, баранки, борщ, бананы. И так до конца алфавита. Правда, есть одно условие: нельзя объедаться одним и тем же продуктом. Нужно съедать ровно одну порцию.

— Круто! — усмехнулся Пиявкин. — А как же мясо и хлеб?

— Мясо и хлеб я кушаю почти каждый день. Сам посуди: сколько названий у одного только мяса. В день «К», например, я ем котлеты, колбасу, курятину, корейку, копчёности. А заедаю всё это разными кашами.

— То-то, я гляжу, ты поправился, — улыбнулся Пиявкин.

— Не подкалывай! Эта неделя у меня разгрузоч-

ная. Три дня — «Ь», «Ъ», «Ы» — я вообще ничего не ел. Только пил. В день «Э» наесться не удалось. Съел эскалоп, эскимо, эклер и манго.

— А почему манго?

— Потому что манго — экзотический фрукт.

— А-а-а…

— А вчера был день «Ю». На «Ю» продуктов вообще никаких нет. Нашёл в словаре одну только «юколу», это такая рыба сушёная. Ну, юколы у нас нет, съел воблу…

— И долго ты себя так мучить будешь?

— Сегодня день «Я». Мне бы сегодня с голоду не умереть. А завтра-то я уж наемся.

— Понятно. Яйцо вкрутую будешь?

— Буду! Но только одно.

Пиявкин достал из холодильника варёное яйцо. Деликатесов быстро почистил его, посолил и запихнул в рот.

— Ещё чего-нибудь есть на «Я»? — спросил он с набитым ртом.

— Есть. Яблоко. Будешь?

— Ха! Спрашиваешь!

Деликатесов получил яблоко и начал с хрустом откусывать.

— А ещё чего-нибудь?

— Вот варенье. Оно из ягод. Пойдёт?

— Пойдёт. А ещё?

— Секунду! — сказал Пиявкин. Он ушёл в комнату и тут же вернулся со словарём.

— Посмотрим, что у нас тут на букву «Я».

Пиявкин заглянул в словарь и вдруг усмехнулся:

— Нашёл! Ягель!

Деликатесов оторвался от банки с вареньем и сделал кислую мину.

— Я тебе что, олень, чтобы ягель есть? Что там ещё, кроме ягеля?

Пиявкин снова заглянул в словарь:

— На букву «Я» совсем мало слов. Вот есть только яство.

Деликатесов поставил банку с вареньем на стол. Глаза его округлились.

— Яство?! — переспросил он.

— Яство, — повторил Пиявкин, не понимая, в чём дело.

— Да знаешь ли ты, что такое яства? — воскликнул Деликатесов. Он бросился к холодильнику и начал есть всё подряд прямо оттуда. — Яства — это же всё, что едят! Сегодня замечательный день! Да здравствуют мои любимые деликатесы!

Маша Лукашкина

Археологи

В прошлом году мы видели археологов. Они стояли у самого входа в Московский Кремль и пили «Пепси», прямо из бутылки. А рядом с ними была большая и какая-то очень сложная яма. Моя старшая сестра Женя спросила археологов, что они ищут, и они ответили:

— Кости динозавра.

И мы решили, уж если динозавры здесь водились, почему бы нам тоже не поискать эти кости. Ведь динозавры, конечно, гуляли везде. И по Москве, и по её окрестностям. И мы решили вырыть на даче в саду большую яму. Как археологи. Мы взяли лопаты и стали копать.

Было очень трудно. Мы несколько раз забегали в дом и пили воду. Зачерпывали кружкой прямо из ведра.

Я бы, наверное, бросила копать, если бы не Женя. Женя упорная, уж если что решит, то… Она даже обедать не стала, схватила кусок хлеба — и к яме.

— Скоро, — говорит бабушке, — первобытный слой покажется.

А когда яма сделалась Жене по шею, мы отыс-

кали на дне ямы ржавый колокольчик.

— Зачем первобытному человеку колокольчик? — спрашивает Женя.

Я говорю:

— Этот колокольчик первобытный человек динозавру на шею вешал…

А что, ходят же по полю коровы… И колокольчиками звенят.

Мы с Женей посмеялись немного, а потом в дом пошли, потому что устали очень. А яму еловыми

ветками прикрыли.

Вечером к нам папа приехал.

— Откуда у нас в саду западня для мамонта? — спрашивает. — Надо в эту западню что-нибудь посадить. Пока в неё не упал кто-нибудь.

Бабушка очень обрадовалась и говорит:

— Мне как раз саженец яблони обещали. Хорошего сорта «Штрифель».

И теперь у нас на том самом месте яблоня растёт. Правда, яблок мы пока не видели, яблоня только на седьмой год их даёт, так бабушка сказала.

Поскорей бы прошли семь лет! Очень интересно, какого цвета будут яблоки. Всё же яблоня «на костях динозавра». Папа до сих пор так её называет.

Татьяна Демидович

Заболел

Я вот подумал однажды: зачем мне с Катей Косичкиной за одной партой сидеть? Она весь урок в зеркало смотрит и заколки на голове поправляет. Достала уже!

Вот я и решил себе зелёнкой лицо измазать и в школу прийти.

— Ромашкин, что с тобой? — спросила Косичкина.

— Ветрянка у меня! — сказал я.

— Ой-ёй-ёй, — заорала Косичкина, вещи свои похватала и на последнюю парту к Саше Ивашкину перебралась.

Там она с ног до головы влажными салфетками обтёрлась, с учебников пыль сдула, из шарфа себе повязку на лицо сделала. Мол, дезинфекция!

А мне что? Мне хорошо! Рядом со мной двоечника Лёшу Пряникова посадили. Весело! Мы с ним и в морской бой втихаря поиграли, и в висельницу и ещё собирались из ручки плевательные трубочки сделать. Но тут объявили контрольную по английскому языку, и я приуныл. Стал на Косичкину поглядывать. Та на последней парте уверенно строчила что-то себе в тетрадку. Да и Сашка не отставал, шею, как гусь, вытянет, посмотрит в чужую тетрадку и рад стараться: быстро-быстро задания выполняет. А я — так совсем пропадаю. Короче, получил я свою

двойку по английскому и на следующий день Косичкиной шепчу:

— Пошутил я, Косичкина, можешь назад возвращаться!

— Ни за что! — говорит она и подальше от меня пятится.

И не знаю, чем бы закончилась для меня вторая четверть. Но только Сашка Ивашкин через неделю заболел… Сашкин братишка, на моё счастье, из садика принёс ветрянку!

И Катя Косичкина вернулась ко мне! Ура!

Заходите через годик…

Эх, Ромашкин!

Мне Ромашкин нравится... Вернее, мне он совсем не нравится, но я хочу, чтобы он в меня влюбился.

Моя бабушка, когда дедушке обед варит, обычно говорит, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. И я ей поверила!

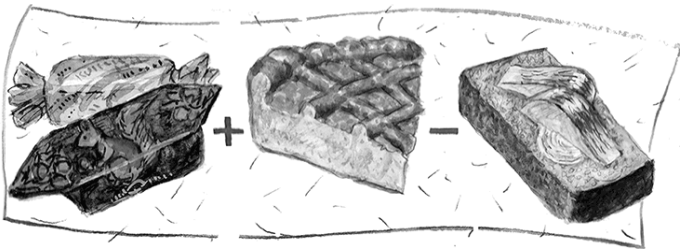
Однажды я говорю Ромашкину:

— Угощаю тебя, Ромашкин, конфетами!

— Правда?! С чего бы это? — разволновался Ромашкин, но конфету взял.

На следующий день я угостила его домашним пирогом.

— Вкусный! — облизывая пальчики, сказал Ромашкин.



А сегодня Ромашкин сам крутится у моей парты!

«Неужели бабушка права?» — подумала я.

— Чем сегодня угощать будешь? — в конце концов поинтересовался Ромашкин.

И я достала бутерброд с селёдкой и луком.

— Вот селёдка, — говорю, — дедушка в обед не доел!

И тут Ромашкин расстроился!

— Ты что, Лампочкина, издеваешься, что ли? Я ненавижу селёдку! — сказал он.

— Ну, может быть, красный борщ… завтра принести, — с надеждой сказала я.

— И красный борщ я ненавижу! Моя мама

каждый день заставляет меня борщ есть, — пробурчал Ромашкин, развернулся и ушёл.

И я поняла, что желудок у Ромашкина очень вредный… Впрочем, как и весь Ромашкин.

И я решила, что нравиться Ромашкину очень скучно и даже убыточно. Потому что я сама люблю пироги и конфеты.

Друг

— В общем, я говорю ему: «Отстань! Уроки делать надо. Не могу я больше играть. Нет времени! И мама ругается, и папа злится».

— А он что? — спрашивает у меня Ивашкин.

— Что-что… — передразнил я Сашку. — Он так на меня смотрит, прямо жалко… Особенно себя жалко! Секунда — и уже танки стоят наготове! Не будешь же в самый разгар битвы уходить. Несолидно.

— Вот нахал! — говорит Ивашкин. — И что? Никак не отпускает? Может, объясни ему как-то, мол, занят я до вечера.

— Да неудобно обидеть! Он ведь мой лучший друг!

— Да… — разочарованно сказал Ивашкин. — Мне казалось, что я твой лучший друг…

— Я когда-то тоже так думал, — горько вздохнул я. — А теперь получается он.

— А может быть, ну его — этот компьютер! Выключи его из розетки, попроси маму, чтобы новые игры не покупала и за Интернет не платила, а мы лучше в футбол сыграем во дворе, как раньше…

— Думаешь, поможет? Надо попробовать, — нерешительно сказал я.

Бальные танцы

В нашей школе организовали кружок бальных танцев. Однажды к нам на урок физкультуры пришёл учитель по танцам — хореограф. Он и выбрал из всего класса в свой кружок меня и Ромашкина. Я, конечно, сильно обрадовалась. Это ведь так здорово в длинном платье вальсировать по залу в паре с мальчиком! Только Ромашкин надулся и не захотел идти на бальные танцы.

— Ромочка, пожалуйста, один раз только сходим, и всё! — просила я. — А то ведь получается, у меня пары не будет. А я так хочу танцевать!

Но Рома упрямился, и мне пришлось пожаловаться его родителям!

— Ладно, Лампочкина! Твоя взяла! — согласился Ромашкин… Но только после того, как родители пригрозили ему, что не пустят больше на футбол, если он будет обижать девочек. — Завтра идём на твой балет! Только имей в виду — утром у нас игра! Так что после футбола…

И вот я утром взяла чешки, надела красивое платье и отправилась на футбольное поле за Ромашкиным.

— Эй, Лампочкина! — заприметив меня у забо-

ра, закричал Ромашкин. — У нас вратарь получил травму, а запасных игроков сегодня нет — постой немного на воротах!

— Не хочу я в бальном платье у ворот стоять! — обиделась я.

— Чем быстрее доиграем, тем быстрее танцевать пойдём! — пообещал Ромашкин.

И я согласилась! А дальше понеслось со всех

сторон:

— Эй, Лампочкина, держи мяч!

— Выше прыгай…

— Да не оглядывайся назад!

— Лампочкина-а-а-а-а, пригнись!

— Лампочкина-а-а-а-а, лови-и-и-и!

Ну а потом:

— Кристинкаааааа, ты молодееееец! Мы выиграли!

После футбола я своё платье еле отстирала от пыли… Да и чешки порвались…

Зато все мальчишки во дворе мне пожали руку, и вот уже неделю я вратарь нашей дворовой футбольной команды!

А бальные танцы? Ну, пожалуй, Ивашкина надо попробовать пригласить. Думаю, на свой кружок по шахматам он меня точно не потянет. Там я уже ему ничем не смогу помочь!

Лилия Тимофеева

Белеет бантик одинокий

Пятиклассник Дмитрий Долгушин считал себя непревзойдённым поэтом. Сочинить для Димки какой-либо стишок было всё равно, что раз плюнуть. Придумывать-то стихи Долгушин любил, а учить их ненавидел. Сегодня учительница литературы Елена Ивановна вызвала Димку к доске. Стихотворение, которое нужно было выучить, называлось «Белеет парус одинокий». Единственным словом, запомнившимся Долгушину из стихотворения, было «белеет». Но и этого ему хватило, чтобы смело выйти к доске, надеясь на свой талант рифмовать и помощь одноклассников. Оказавшись у доски, Димка прокашлялся и с чувством произнёс:

— Белеет…

Что белеет и где белеет, Димка не знал и с надеждой уставился на своего соседа по парте Пашку Свиридова.

— Парус, — одними губами прошептал Пашка, — одинокий…

К сожалению, Димка подсказку не услышал, зато подняла от журнала голову и подозрительно огляделась Елена Ивановна. Пашка сокрушённо

вздохнул и тут увидел на голове у Катьки Ивановой прикольную заколку с белым бантиком, по форме напоминающим парусник.

Он выразительно показал на бантик пальцем. Долгушин, казалось, всё понял, потому что перевёл взгляд на Катьку и произнёс:

— Белеет бантик одинокий…

Катька, смутившись от пристального взгляда одноклассника, стала поправлять причёску. Это не ускользнуло от Димки, и он выдал следующую строчку:

— Среди нечёсаных волос…

В классе раздались смешки, и это ещё больше вдохновило юного поэта. Димка продолжал:

— Давно не видел он расчёски,
Поэтому так и зарос…

Пятиклассники засмеялись громче, а Катька густо покраснела. Пашка Свиридов решил исправить ситуацию и громко прошептал:

— Играют волны, ветер свищет…

Димка тут же отреагировал:

— Когда же сильный ветер свищет

И космы Катьки теребит…

Ужасней зрелища не сыщешь,

Народ весь в панике бежит…

Класс хохотал. Пунцовая Катька встала из-за стола и, вооружившись увесистым пеналом, двинулась на Долгушина.

— Ты не грози мне, Иванова, —

продолжал юный поэт, пятясь к двери.

— И зря ты гонишься за мной, —

кричал он, удирая от Катьки по коридору.

— Устроила такую бурю, —

отряхивая с пиджака пыль, продолжал Долгушин.

— Как будто в бурях есть покой, —

закончил Димка, спасаясь от разъярённой одноклассницы в… кабинете директора.

Через пять минут директор, успокоив Катю Иванову и Елену Ивановну, обратился к Димке.

— Ну что, обидел двух женщин сразу. Рассказывай, как всё было. С самого начала.

И Димка начал:

— Однажды в студёную зимнюю пору

Из дома я вышел и в школу пошёл…

Кристина Стрельникова

Беспокойная двойка

У одного ученика в дневнике поселилась двойка. Обычная такая двойка по истории, довольно жирная. Только говорящая.

— Ну что, — говорит двойка, — будешь меня изводить: ластиком стирать, скоблить острыми предметами?

— Зачем? — отвечает мальчик. — Живи себе спокойно, я тебя не трону.

Но двойке никак не жилось спокойно. Она всё время ныла, просила развлечь её как-нибудь, сводить в музей, показать интересную передачу.

— Я же не простая двойка, а историческая! — важничала она.

Делать нечего. Ученику пришлось пропустить футбольный матч во дворе, драку в подъезде, сериал по телевизору и экспедицию с друзьями на Северный полюс. Повёл он её в музей, а она совершенно вести себя не умела: из дневника выглядывала, всюду совала свой длинный нос и спрашивала:

— Кто высушил мумию? А где у рыцарских доспехов застёжка?

Ученик замучился за экскурсоводами бегать,

всё у них выспрашивать. Пришёл он домой уставший и лёг спать.

Но у двойки была противная привычка: любила, чтобы ей почитали на ночь какую-нибудь историю.

— Иначе, — говорит, — сама не засну и тебе уснуть не дам.

Каждый вечер, вместо того чтобы в компьютерные игры играть, ученику приходилось читать двойке вслух. Наконец она разрешила ему поиграть в компьютерную игру, но с одним условием — чтобы та была на историческую тему.

Ученик так увлёкся, что уже без исторических рассказов жить не мог. Заодно и в учебник по истории заглянул — всё ли там правильно написано.

«Наверняка учитель всего этого не знает, — подумал ученик однажды. — Надо ему рассказать. Заодно и проверить, правильно ли он нас учит. Может, он сам историю не учил».

На уроках ученик стал рассказывать не только то, что было в учебнике, а ещё и добавлять разные интересные факты из прошлой жизни. И всё норовил учителя подловить на том, чего тот не знает. Ради такого дела пришлось ещё в библиотеку сходить.

Учитель, видимо, испугался, что ученик стал такой дотошный, взял да и поставил в дневник гигантскую пятёрку. Пятёрка поглядела на двойку с таким победным видом, что двойка побледнела и даже немного похудела.

Однажды папа ученика заглянул в дневник и встал по стойке «смирно». Не привык он к такой страшной картине: в дневнике, как солдаты на параде, стояли пятёрки в красных мундирах и дерзко смотрели на папу. Ученик поглядел в свой

дневник и тоже сначала испугался. Потом присмотрелся — ничего, красиво даже. Стал он свою двоечку искать и не нашёл.

«Наверное, пятёрки её извели», — догадался он.

Вот такая история с двойкой. Жалко было её, но что поделаешь — сама виновата. Сидела б себе спокойно, не совала нос в чужие истории, до сих пор была бы жива и здорова.

Марина Дружинина

Элементарно, Ватсон!

Посмотрел я в очередной раз фильм про Шерлока Холмса и твёрдо решил: буду сыщиком. Самого высокого класса, как Шерлок Холмс. Главное в этом деле — наблюдательность, умение мыслить логически и специальные знания. Прямо сейчас и начну тренироваться.

Тут в комнату вбежал Кирюшка. Рот у него был перемазан свёклой. Я пристально посмотрел на братишку, и мысль моя заработала.

«Кирюшка весь в свёкле. Значит, он её ел. Логично. Но одну только свёклу Кирюшка есть не станет — не любит. Зато он обожает свекольник и винегрет — вот и специальные знания пригодились. — Я довольно потёр руки. — Поехали дальше. Свекольник исключается — Кирюшка обязательно облился бы этим самым свекольником. Остаётся винегрет! А я его, между прочим, тоже люблю!»

Я кинулся на кухню к бабушке:

— Можно винегретика?

— Как ты узнал, что я его приготовила? — удивилась бабушка.

— Элементарно, Ватсон! — я пожал плечами. —

Метод дедукции!

— Дедукция, говоришь? — заглянул в кухню дед. — А ты мою газету можешь найти? Ума не приложу, куда она подевалась. Всю квартиру обыскал! — дедушка начал было сокрушённо вздыхать, но неожиданно заметил комара, севшего ему на руку. — Ух, мерзавец! — дедушка хлопнул комара. — Ни днём, ни ночью нет покоя от этих кровопийц!

— Дедушка, — я прищурил глаза, как Шерлок Холмс, — ты ночью бил комаров?

— Ещё как! Столько их за день налетело! Весь потолок облепили!

— Отлично! — разгадка была близка. — А чем ты их бил?

— Газетой!

— Значит, твоя газета на шкафу, — заключил я. — Ты комаров на потолке бил, затем газету на шкаф положил!

Дедушка бросился в комнату и через минуту вернулся сияющий, с газетой в руках.

— Точно! Хорошая штука — дедукция! Спасибо!

Потом я решил поупражняться во дворе.

Вышел на улицу и тут же встретил Владика Гусева.

— Привет! — говорю. — Спорим на миллион, что ты идёшь из больницы! А маму твою ещё не выписали!

— Привет, — удивлённо захлопал глазами Владик. — А как ты догадался?

— Элементарно, — отвечаю. — Если бы твою маму выписали, ты бы не ходил в больницу. Логично, Ватсон?

— Логично, — согласился Владик.

— А то, что ты был в больнице, — развиваю дальше свою мысль, — можно определить, если внимательно посмотреть на твои ноги. В больничных бахилах по улице не ходят!

— Ой, правда, — захохотал Владик. — Забыл снять! Так и бегаю!

— Но это не всё, — попыхивая соломинкой, как трубкой, продолжал я. — На спине у тебя рюкзак. Значит, ты пошёл в больницу сразу после школы. Следовательно, ты ещё не обедал, — логический ход моих мыслей наконец завершился. — Айда ко мне винегрет есть!

— Айда! — обрадовался Владик. — Я ужасно голодный! Спасибо!

…После обеда мы посмотрели ещё одну серию про Шерлока Холмса, и Владик отправился к себе домой. Вскоре пришла моя мама.

— Здравствуй, сынок! — поцеловала меня мама. — А почему ты до сих пор уроки не сделал?

— Как ты узнала? — настал мой черёд удивляться.

— Элементарно! — засмеялась она. Но вместо объяснения строго добавила: — Не теряй время! Садись заниматься.

Как всё-таки она догадалась? Вроде, нет никаких улик…

Да-а-а, пожалуй, Шерлоку Холмсу далеко до моей мамы!

Ой, цветёт калина…

Галка Воробьёва сидела на уроке «Окружающий мир», а в голове у неё задушевно пел хор «Бурёнушки».

Вчера звонкоголосые красавицы выступали по телевизору. Да так здорово! Галка с мамой даже подпевали им! Ну а сегодня «Бурёнушки» переместились всем хором прямиком в Галкину голову, не умолкая ни на минуту. Они, безусловно, тоже являлись частью окружающего мира — чего только нас не окружает! Но тема урока была, к сожалению, другой.

— Животные нашего леса! — объявила учительница Мария Николаевна и начала записывать тему на доске. И тут у неё в руке — хрусть! — сломался мел.

— Ой! — вскрикнула от неожиданности Мария Николаевна. Да так громко! В точности как солистка «Бурёнушек». Ну, Галка сразу и подхватила: «...цветёт калина в поле у ручья...» Все захохотали. А учительница вместо того, чтобы продолжить: «...Парня молодого полюбила я...»,

коротко скомандовала:

— Воробьёва, дневник на стол!

И написала замечание: ПЕЛА НА УРОКЕ!

Ох, как не хотелось Галке огорчать маму!

«Что бы такое сделать с этим замечанием? — размышляла она после занятий. — Как превратить его в мамину радость? Может, добавить ШИ? Получится: ШИПЕЛА НА УРОКЕ. Или СО — получится СОПЕЛА. Или ХРА — будет ХРАПЕЛА. А если добавить СВИРЕ, получится СВИРЕПЕЛА НА УРОКЕ! Но всё это тоже вряд ли порадует маму… Ага, придумала!» — Галка довольно заёрзала на стуле и приписала к слову ПЕЛА буквы У и С. А перед ними вывела слово ВСЁ.

Замечание превратилось в прямо-таки восторженное послание от учительницы: ВСЁ УСПЕЛА НА УРОКЕ!

«Хотя, стоп! Успокаиваться рано! — спохватилась Галка. — Не очень-то понятно, что именно я успела. Может, как раз то, чего делать ни в коем случае нельзя!» И решительно стёрла добавления, а заодно и букву П.

Получилось: ЕЛА НА УРОКЕ!

«Вот теперь то, что надо! Молодчина! — от души похвалила себя Галка. — Мама наверняка будет довольна, что у дочки отличный аппетит

— даже на уроке ест! А руки, скажу, на переменке помыла!»

Вечером мама открыла дневник и… совсем не обрадовалась, а, наоборот, возмутилась:

— Почему замечание наполовину стёрто чуть ли не до дыр? Что здесь было написано? Может, ты свистела на уроке? Или гудела? Гремела? Дудела, ревела, тарахтела?!

— Нет! Нет! Нет! — мотала головой Галка.

— Тогда что же ты делала?

— Пела!

— У-у-ф, — облегчённо вздохнула мама. — Это ещё ничего. А вот дневник портить — форменное безобразие. Так что на сегодня мультики отменяются, — и мама пошла на кухню, задумчиво напевая: «Ой, цветёт калина в поле у ручья…»

Наш Куку

Однажды в нашем классе появился новенький по имени Ваня, а по фамилии — нарочно не придумаешь — Куку! Мы как услышали, как начали хохотать! Так и хохотали весь день. Ну и фамилия! Похлеще любой клички!

Мы по очереди спрашивали новичка: «Ты — куку?» И каждый раз он невозмутимо отвечал: «Да, я Куку». А мы: «А с виду не скажешь!» — и хохотать.

На следующий день все опять очень веселились. Причём к нам присоединились ребята из параллельного класса. На переменке они тоже наперебой интересовались у Ваньки: «Это ты — куку?» А тот и бровью не ведёт: «Да, это я Куку».

После уроков мы гурьбой вывалились из школы. Крутимся возле Куку, смеёмся и выкрикиваем песню про кукушку — мы её на пении учили: «Ку-ку! Ку-ку! Беспечно я живу! И слышно издалёка моё «Ку-ку! Ку-ку!» Умора!

«Такое надо заснять», — решил я. Достал мобильник и начал настраивать видеокамеру. Вдруг откуда ни возьмись подскочил здоровенный дядька, хвать у меня из рук мобильник!

И — бежать! Точнее, он собирался убежать. Но вместо этого дико завопил: «А-а-а-а!» и ещё что-то неразборчивое и грохнулся на землю. Оказывается, ему подставил подножку Ваня Куку!

А когда дядька хотел подняться, Ванька дёрнул его за ногу, и тот снова упал.

Тут подоспел полицейский — он как раз шёл мимо. Полицейский скрутил грабителя, надел наручники. Потом вызвал машину, и дядьку увезли.

Всё произошло так стремительно, что мы не успели закрыть рты, разинутые от неожиданности.

Прежде чем уехать, полицейский спросил Ваньку:

— Как твоя фамилия?

И услышал:

— Куку.

Ответ нисколько не удивил полицейского. Он крепко пожал Ваньке руку:

— Ты — молодец!

А мне сказал:

— Мобильник вернём позже. Это — вещественное доказательство.

А через неделю в школе, в актовом зале, было всеобщее экстренное собрание.

На сцену вышли сразу трое полицейских. И самый главный из них, кажется, полковник, а может, даже генерал, объявил:

— За помощь полиции в задержании опасного преступника ученик четвёртого класса «Б» Иван Куку награждается ценным подарком — цифровым фотоаппаратом и грамотой!

Вот это да! Мы прямо обалдели. Оказывается, тот дядька совершил кучу преступлений и его давно разыскивали!

Иван выбежал на сцену. Полковник (а может, генерал) пожал ему руку и вручил награды. А нас призвал:

— Равняйтесь на вашего товарища Куку!

Все зааплодировали. Остальные полицейские и директор тоже поздравили Ивана. При этом директор провозгласил:

— Куку — гордость нашей школы!

Вечером я рассказал маме, как прославился Куку.

— Надо же, такая смешная фамилия — и такой герой! Хотя, — вдруг с удивлением обнаружил я, — вроде уже и не смешная эта фамилия...

— Понимаешь, сынок, не фамилия красит человека, а человек украшает свою фамилию. Или, наоборот, позорит, — мама серьёзно посмотрела на меня. — Например, ты знаешь, откуда взялось слово «хулиган»?

— Конечно, знаю! Того, кто хулиганит, и называют хулиганом.

— Логично, — улыбнулась мама. — А теперь

послушай: давным-давно никому и в голову не приходило называть всяческих безобразников хулиганами. Да и слова такого никто не знал. Так бы и осталось оно для нас неизвестным, если б не одна скандальная семейка, проживающая в Англии, а точнее — в Лондоне. Члены семьи носили фамилию Хулиган. Они постоянно буянили, разбойничали и устраивали драки. В общем, вели себя настолько отвратительно, что «прославились» на всю страну. И люди стали называть хулиганами уличных дебоширов. Вначале в Англии, а потом и в целом мире.

Я был потрясён:

— Ну и семейка! Ну и Хулиганы! На веки вечные нахулиганили!

— Вот что можно сделать со своей фамилией, — заключила мама.

— А вдруг наш Куку насовершает столько подвигов, что всех героев во всём мире будут называть «куку»?! — воскликнул я.

— Почему бы и нет, — пожала плечами мама.

— А если я насовершаю кучу подвигов, всех героев во всём мире станут называть по моей фамилии — «ручкины»? — у меня аж дух захватило от одной такой мысли.

— Обязательно! — кивнула мама. — А пока что

не забудь получить свой мобильник в полиции. И впредь держи его крепче.

Звезда и капуста

Я включил телевизор и тут же закричал: «Ура! Филимон!» На сцене, разукрашенной цветами и воздушными шарами, пел и плясал мой любимый артист.

— Ишь, какой голосистый, — Бабушка оторвалась от книжки с интригующим названием «Всего ли тебе хватает?» и внимательно посмотрела на Филимона. — Только уж больно дёргается. Сразу видно — нервный.

— Да это песня такая! Любой задёргается! — заступился я за своего кумира.

— А чего он её поёт? Нормальный человек не выбрал бы такую песню. Значит, нервный! — веско сказала бабушка. — Твоему Филимону явно не хватает магния и витаминов группы В! Гречки нужно побольше есть! И гороха!

Тут Филимона показали крупным планом, и бабушка воскликнула:

— А бледненький-то какой! Малокровный! Железом его тоже надо подкормить!

— По телевизору все бледные, — возразил я.

Но бабушка стояла на своём:

— Не знаю, как всем, а ему железо позарез нуж-

но! И побольше!

В конце песни Филимон рухнул на колени и протянул руки к зрителям. В том числе и к нам, разумеется.

— Он совсем ослаб! На ногах не держится! — запричитала бабушка. — Налицо недостаток витамина С! Вот к чему приводит неправильное питание!

— А что нужно есть, чтоб всего хватало? — не на шутку встревожился я.

— Можешь почитать, — бабушка протянула мне свою книжку. — Очень познавательно.

На этом концерт и закончился.

На следующий день в школе меня ждал потрясающий сюрприз: к нам приезжает сам Филимон по случаю Дня рождения школы! Оказывается, он здесь учился!

Мы еле высидели до конца занятий и — скорее в актовый зал. А там — красотища! Сцена украшена воздушными шарами! Мигают разноцветные лампочки! Всюду цветы! Ну совсем как вчера по телевизору. И Филимон выступал точно так же, как по телевизору: пел с неподражаемым завыванием, скакал, дёргался и время от времени падал на колени.

Мы с восхищением смотрели на знаменитого

артиста и бешено аплодировали.

А когда концерт закончился, мы начали скандировать: «Фи-ли-мон! Е-щё!»

Филимон спел дополнительную песню, потом прижал руки к сердцу и растроганно произнёс:

— Спасибо, друзья! А теперь я буду отвечать на ваши вопросы! Задавайте, пожалуйста!

Девчонки немедленно стали писать записки. Причём некоторые — вовсе без вопросов. Например, Алиса Трякилева — она сидела рядом

со мной, и я всё видел — отправила артисту вот такое зашифрованное послание:

Я, конечно, сразу догадался, что это означает: «Я люблю Филимона». И подпись: «Алиса Трякилева».

А Владик Гусев прямо с места спросил:

— Уважаемый Филимон! Страдаете ли вы звёздной болезнью?

— Хоть я и звезда, — скромно улыбнулся Филимон, — звёздной болезни у меня нет! Как, впрочем, и других болезней. Потому что я веду здоровый образ жизни!

Все зааплодировали. А я понял, что настал мой черёд задавать вопросы. Спросить певца мне нужно было о многом.

Я встал и сказал:

— Уважаемый Филимон, почему вы не едите гречку, отруби, горох и молочные продукты?

— С чего ты взял? — удивился Филимон. — Всё

вышеназванное я весьма уважаю. А простоквашу каждое утро обязательно пью!

— Значит, мало! — я укоризненно покачал головой. — Очень уж вы дёргаетесь, когда поёте — нервишки пошаливают! Потому что вам не хватает витаминов группы В и магния! А я за вас переживаю!

— Сам и ешь магний, — захихикал Петька Редькин, повернувшись ко мне.

А Филимон натянуто засмеялся:

— Это же сценический образ! Имидж!

— И с железом у вас дела обстоят неважнецки, — продолжал я. — Почему вы не употребляете шпинат, петрушку, антоновку и орехи? Из-за этого вы бледный, как шампиньон!

— Чего ты выдумываешь! — разволновался Филимон. — Я специально пудрюсь перед выступлением! А различные продукты с железом очень даже люблю! И семечки всегда грызу в антракте!

— Ну уж про витамин С вы точно забываете, — не сдавался я. — Капусту не едите! Вон как валитесь на пол почти после каждой песни. Это упадок сил!

— Не упадок сил, а сценический образ! Тебе же объяснили! — возмутилась влюблённая Трякилева. И некоторые ребята подхватили: — Имидж!

Образ!

— Правильно! Молодец, девочка! — артист благодарно кивнул закрасневшейся Алиске. Но мне всё же ответил:

— Не беспокойся, дружок! С витамином С у меня полный порядок. И лимоны ем и чёрную смородину. Капусту на зиму заквасил. Два бочонка!

Все опять зааплодировали. А Трякилева радостно крикнула:

— Мы тоже заквасили капусту!

— И мы заквасили! — раздались голоса со всех сторон.

После этого Филимон раскланялся и уехал.

Прошло некоторое время. Сижу я, делаю уроки. Вдруг бабушка зовёт меня на кухню:

— Иди скорей! Твой Филимон поёт!

Прибегаю, и точно: по телевизору выступает Филимон.

— Гляди-ка, — заметила бабушка, — перестал дёргаться! И без чувств не падает! И вид у него гораздо лучше!

— Значит, Филимон изменил сценический образ. Имидж, — объяснил я.

— Да брось ты! — махнула рукой бабушка. — Просто гречку и капусту стал есть!

Ручка и ножка

Диктант на этот раз начался просто замечательно: Татьяна Евгеньевна посадила меня за одну парту с Ножкой, то есть с Надькой Ножкиной, отличницей!

Давно мне так не везло! Теперь, считай, пятёрка или уж, во всяком случае, не двойка у меня в кармане, а точнее — в дневнике! Ура!

Мы подписали новые тетрадки и приступили к работе.

История, которую диктовала Татьяна Евгеньевна, оказалась очень занятной — про весёлую цирковую обезьянку по имени Ручка. Чего только не вытворяла эта Ручка! И на лошади скакала, и танцевала, и строила рожи зрителям!

Все внимательно слушали и старательно — кто записывал, а кто списывал. Как я у Ножки. А что делать, если в каждом предложении каверза на каверзе сидит и каверзой погоняет. Ну и Ручка! Такое представление устроила, что простыми словами не опишешь.

Наконец выступление неутомимой обезьянки завершилось, и Татьяна Евгеньевна сказала:

— Проверьте, что вы написали, и я соберу тет-

радки.

Все начали тщательно — кто проверять, а кто сверять свои записи с соседскими. Как я, например.

В общем, сверяю я, сверяю — всё верно. Всё как у Ножки: вот мягкий знак в слове «обезьянка», вот — в слове «Ручка»... И вдруг меня стукнуло: а что, если моя фамилия Ручкин тоже с мягким знаком? А я на обложке тетрадки написал без него. Как же правильно? И у Надьки, ясное дело,

не подсмотришь. Эх, надо было перед диктантом на ней жениться! Мигом превратилась бы из Ножкиной в Ручкину! И я спокойненько списал бы с её тетрадки нашу общую фамилию. А теперь придётся спрашивать.

— Ножка, — зашептал я, — в «Ручкине» есть мягкий знак?

— Сам должен знать, чего в тебе есть, а чего нет, — проворчала Ножкина. — Отстань!

Ух, вредина! Счастье, что я на ней не женился! Ну и ладно, разберусь как-нибудь. Хотя чего, собственно, разбираться? Невооружённым глазом видно, что «Ручка» и «Ручкин» одного поля ягоды. А значит, пишутся одинаково.

И я мастерски втиснул мягкий знак в свою фамилию между буквами «ч» и «к». Получилось очень даже аккуратно.

Я скорчил Ножкиной такую рожу, что обезьянке Ручке и не снилось, и сдал тетрадку. В числе первых!

А на следующий день было вот что.

Урок русского языка начался с меня.

— Ручкин, — сказала Татьяна Евгеньевна, — ты меня поразил. Причём дважды за один диктант! Во-первых, ты с ошибкой написал свою собственную фамилию. Таких учеников я ещё не

встречала! Запомни: нет мягкого знака в слове «Ручкин»!

«Эх, промахнулся, — пожалел я. — Значит, всё-таки Ручка Ручкину не товарищ!»

— Но при этом, — продолжала учительница, — ты написал диктант на удивление хорошо. Как будто знаешь все правила, чего я раньше за тобой не замечала. Или, может, ты списал у Нади Ножкиной?

— Нет! — убедительно замотал я головой. — Я вообще не смотрел в её сторону!

— Молодец! — похвалила Татьяна Евгеньевна. — Но одну грубую ошибку ты сделал: в слове «Ручка» поставил всё тот же мягкий знак. Единственный из всего класса!

— Как это единственный? — возмутился я. — А Ножкина? У неё был мягкий знак! Я точно видел! Два раза проверял!

Тут ребята ка-ак захохочут! А Ножка — громче всех.

— Да я его стёрла, когда ты побежал тетрадку сдавать, — сквозь смех еле выговорила она. — Это была описка!

Вот такая история. Остаётся только добавить, а точнее, убавить — убрать мягкий знак из моей фамилии на обложках тетрадок, куда я успел его

втиснуть.

...А всё-таки я правильно сообразил, что «Ручка» и «Ручкин» пишутся одинаково.

Буду чемпионом!

Тёмка весело скакал по комнате и выкрикивал:

Школа ждёт учеников!
В школу я идти готов!

И это была чистейшая правда. Потому что завтра, первого сентября, когда все школы дружно распахивают объятия своим ученикам, Тёмка собирался идти первый раз в первый класс.

— На какие отметки ты намерен учиться? — спросил папа, не отрываясь от телевизора: — шёл чемпионат страны по хоккею.

— На одни двойки! — радостно прокричал Тёмка.

— Чего-о-о? — папа так удивился, что даже отвёл взгляд от экрана. — Это почему?

— Потому что я хочу стать знаменитым хоккеистом, как Терентий Барашкин! — Тёмка схватил клюшку и начал бодро ею размахивать. — Вон он сколько голов забил вчера «Мустангам»!

— Не понял, — папа повернулся к сыну, — при чём тут двойки?

— Очень даже при том! — Тёмка стукнул клюшкой по школьному рюкзачку. — После матча Барашкин сказал, что с детства мечтал стать хоккеистом и учился в школе на одни двойки. Ясно? Если бы не двойки, уж не знаю, кем бы он стал!

— Ты всё перепутал! — папа начал объяснять сыну, что к победам ведут спортсмена вовсе не двойки, а трудолюбие и умение. Но переубедить будущего чемпиона оказалось не так-то просто.

— Стану двоечником, как Барашкин! — зала-

дил он.

Папа уже хотел было позвать на помощь маму, но тут спортивный комментатор Буханкин громко запричитал из телевизора:

— Опять промахнулся Барашкин! Ни одной забитой шайбы сегодня! Разочаровал нас Терентий! Ох, как разочаровал! Двойка ему за решающий матч!

— Слышал? — папа торжествующе кивнул на экран. — Вот что значит привычка получать двойки! Ну-с, на какие отметки ты собираешься учиться?

— На пятёрки, — твёрдо сказал Тёмка.

— Молодец! — обрадовался папа.

А Тёмка немножко подумал и добавил:

— Двойки, конечно, тоже придётся получать. Но так, чтоб привычки не было.

Людмила Ткаченко

Любви все возрасты покорны, или День святого Валентина в 1 «В»

— Это ещё зачем? — спросила мама у первоклассницы Вареньки, наблюдая, как та пытается запихнуть в ранец оставшиеся от новогоднего костюма феи розовые крылышки.

— Затем, что сегодня День влюблённых! Я буду ангелом и буду разносить валентинки. Это такие специальные записки в виде сердечек, которые влюблённые пишут друг другу, — обстоятельно пояснила девочка.

— День влюблённых? — мама посмотрела на папу.

— А я что… я ничего, — забормотал папа и сильно покраснел, — я тебя круглый год люблю!

Потом он одним глотком допил кофе, торопливо чмокнул маму и умчался на работу.

Мама вздохнула.

— Мамочка, не расстраивайся, — обняла её Варя, — я тебе из школы много-много валентинок принесу!

— Нет уж, — грустно улыбнулась мама, — отдай их тому, кому они предназначены. Разве

хорошо будет, если кто-нибудь не дождётся своей валентинки?

— Плохо! — согласилась Варька и убежала в школу.

Школа радостно встречала учащихся плакатом «С Днём влюблённых!», гроздьями воздушных шариков и намалёванными где только можно розовыми сердечками. По школьным коридорам порхали белокрылые «ангелы», разнося влюблённым валентинки, шоколадки и плюшевых мишек. А «святой Валентин» — десятиклассник Алик Смородинов — важно прохаживался между классами, строго следя за порядком.

— А это что за ангелок? — остановился он перед Варькой. — Что-то я не припоминаю таких среди своих помощников!

— А я и не твой ангел, я свой собственный! — совершенно не испугалась девочка.

— Конкурентка! — воскликнули две белокурые восьмиклассницы, возмущённо трепеща марлевыми крыльями.

— Сами такие! — сердито фыркнула Варька. Она не знала, что это слово означает, но на всякий случай решила обидеться.

— Маленькая ты ещё для праздника влюблённых! — сурово сказал «святой Валентин» и велел

снять крылья.

— Как бы не так! — показала ему язык первоклашка.

Собственно, стать ангелом святого Валентина в своём 1 «В» Варька Мухина решила вчера, после того как прочитала объявление, что весь этот праздник — День влюблённых — только для учеников 5–11-х классов. Как будто первоклассники уже и влюбиться не могут!

В классе девочка взобралась на стул и закричала:

— Слушайте! Сегодня День влюблённых! Я — ангел, я помогаю святому Валентину! И буду разносить записки про любовь! Кладите их сюда! — и она потрясла коробкой из-под обуви, на которой красным фломастером были нарисованы сердечки.

Девчонки завизжали от восторга, а мальчишки заулюлюкали и громко засмеялись.

— Ха-ха-ха! — больше всех старался Лёшка Ершов. — Ангел! Никакой ты не ангел! Ты муха! Просто муха с розовыми крылышками!

Варька хотела треснуть его коробкой, но тут в неё легла первая валентинка, сделанная из тетрадного листа. А потом ещё и ещё… Правда, было немного огорчительно, потому что оказалось,

что нести их никуда не надо, они все были для Марины Николаевны, их учительницы.

На следующей перемене слух о розовокрылом ангеле Варьке Мухиной разнёсся среди первоклашек, и количество валентинок резко возросло. В основном, конечно, писали девчонки. Мальчики же подкидывали записки украдкой, и практически все они были для отличницы Сонечки Виноградовой из 1 «А». Зато уж девчонки заставили Варьку побегать, разнося записки. Их

валентинки предназначались мальчишкам из третьего, четвёртого и даже пятого классов. А Катька Капустина так и вообще рискнула признаться в любви самому «святому Валентину» — Альке Смородинову.

Алик сначала рассердился, а потом рассмеялся и посадил визжащую от восторга Катьку на плечо и на зависть всем девчонкам донес её до класса.

А потом в школе устроили конкурс, кто больше всех валентинок получил. Победительницей стала учительница английского языка Юлия Михайловна. Правда, в основном на картонных сердечках было написано что-то вроде:

Я без Вас не ел, не пил и английский не учил!

А теперь я I Love You по-английски говорю!

В общем, спикаю прилично,

Так поставьте мне «отлично»!

— Ну а ты сама-то получила хоть одну валентинку? — улыбаясь, спросил Варьку «святой Валентин».

— Нет, — грустно помотала головой девочка.

— Это потому, что ты ещё маленькая! — погладил её по голове Алик.

— Это потому, что она муха, просто муха с розовыми крылышками! — крикнул Лёшка Ершов и треснул девочку ранцем.

А так как сегодня ангел Варенька и без того заработала несчётное количество подножек и тычков, то ей стало так обидно, что она расплакалась и убежала в туалет. А когда вернулась за своей школьной сумкой, ни Алика, ни Лёшки уже не было. Зато на полу валялась её раскрытая тетрадка, в которой на весь лист было нарисовано кривое сердце и накорябано: «Ни плач я тибя любл».

Варькино сердечко забилось сильно-сильно. И она сразу простила Лёшке все затрещины и даже жуткие ошибки в валентинке.

А дома её ждал чай с тортом и счастливая мама. На мамином пальчике поблёскивало новое колечко, а посредине стола стоял огромный букет роз. Всё-таки замечательный это праздник — День святого Валентина!

Как инопланетяне чуть Восьмое марта не украли

— Ну, сын, не забывай, что ты остаёшься единственным мужчиной в семье! — сказал папа, укладывая вещи в дорожную сумку.

— Угу, — рассеянно отозвался семилетний Егорка, возводя замок из лего.

— Егор, — окликнул мальчика отец, — ты слышишь, что я говорю?

— Да слышу, слышу! — отмахнулся Егорка. — Ты мне это каждый раз говоришь!

Папа у Егорки — водитель-дальнобойщик и поэтому дома бывает редко. Не успеет приехать, как уже опять в путь-дорогу собирается. И каждый раз перед отъездом Егорке такие наставления даёт.

— Может, и каждый, — не стал спорить папа, — да только этот раз особенный!

— А что в нём особенного? — мальчик наконец оторвался от строительства.

— Как что? — удивился отец. — Ты забыл? Восьмое марта!

— Ааа, — протянул Егорка, — это я помню. Нам в школе говорили. Я и открытку маме сделал!

— Открытка — это хорошо! — похвалил папа. — Да только одной открыткой не обойтись! Ты должен окружить наших девчонок заботой и вниманием!

— Папа! — сердито воскликнул Егорка. — Ну, что ты говоришь?! Как я ОДИН могу окружить маму, Дашку, Машку и Олюню?! У меня же рук не хватит!!!

— Ну, — улыбнулся отец, — тут главное, чтобы сердца хватило! А руки… руки помогут — посуду помоют, мусор вынесут, игрушки уберут, с Олюней поиграют, Дашку с Машкой не стукнут… В общем, включи фантазию — устрой маме и сестрёнкам праздник!

— Ничего себе праздник! — возмутился Егорка. — Посуду мыть и мусор выносить!

— Так праздник не у тебя, — напомнил папа, — Восьмое марта — женский день! А ты мужчина! Так что старайся!

Тут в комнату прибежали близняшки Дашка и Машка, следом пришли мама с Олюней прощаться с папой.

Папа уехал, и все легли спать, потому что было уже поздно.

В доме наступила сонная тишина. Только Егорке не спалось. Он размышлял о том, что это

несправедливо — у девчонок праздник, а у него гора грязной посуды!

«Вот возьму и заболею! — в отчаянии думал Егорка. — Или запру девчонок в их комнате! Одну-то маму я запросто заботой окружу! Или ещё лучше...» — в общем, подобные мысли толпой лезли в голову мальчика и почти до утра не давали ему уснуть.

А утром...

— А где наш единственный мужчина? — раздался весёлый голос мамы. — Почему он не идёт нас поздравлять?

— Вставай, засоня! — хором закричали близняшки.

— Просыпайся! — распахнула дверь в комнату брата младшенькая Олюня.

Но Егора в комнате не было. Зато на аккуратно застеленной кровати сидела девочка с голубыми волосами.

Сестрёнки остолбенели.

— Ты кто?! — наконец отмерла Дашка.

— Ты откуда взялась?! — подхватила Машка.

— Мальвина, Мальвина! — захлопала в ладоши пятилетняя Олюня.

— Точно! — подозрительно прищурилась на незнакомку Дашка. — Волосы голубые... у меня

тоже где-то такой парик есть… с тех пор, когда я в школьном спектакле Мальвину играла…

— А платье на моё похоже… — протянула Машка.

— Постойте, — остановила девочек мама, — а где же Егорка?

— Его похитили, — пропищала девочка с голубыми волосами. — Инопланетяне!

— Ну, раз похитили, да ещё инопланетяне, тут уж ничего не поделаешь — будем сегодня без Егора! — грустно сказала мама и, вздохнув, скомандовала: — Пойдёмте-ка завтракать!

Дети наперегонки побежали на кухню. И «Мальвина» — вместе со всеми. Мама положила манной каши и налила компот.

— А торт?! — закричали хором Дашка, Машка, Олюня и «Мальвина». — Сегодня же праздник!

— Нет, — печально сказала мама, — какой же это праздник, если поздравлять нас некому?! Папа в рейсе, а Егорку похитили!

— Праздник что, украли инопланетяне? — огромные глазёнки Олюни наполнились слезами.

— Не могли они Егорку 23 февраля, что ли, похитить? — буркнула Дашка. — Я бы ему тогда свою шоколадку не дарила!

— А я фломастеры! — подхватила Машка.

— Девочки, как вам не стыдно! — сказала мама. — Вы что, жалеете о своих подарках? Но вы же их дарили брату, потому что любите его! Разве нет?

— Ну дааа, конечно, любим, — покраснели близняшки. И «Мальвина» тоже покраснела.

— Он вас тоже любит! — пропищала девочка с голубыми волосами и убежала из кухни.

— Куда это она? — удивилась Дашка.

— Связь с космосом устанавливать, — таинственно улыбнулась мама. — Чтобы нам Егорку вернули.

И точно, через пять минут на кухню пришёл смущённый Егорка. Он подарил маме открытку, а сестричкам — по конфетке.

Мама на радостях достала торт. И все стали пить чай. А потом Егорка мыл посуду, выносил мусор и играл с Олюней. И даже ни разу не подрался с близняшками!

А вечером позвонил папа, и мама рассказала ему, что праздник едва не пропал, потому что инопланетяне похитили Егорку, но потом они его вернули, и он устроил им замечательное Восьмое марта!

— Так что там с инопланетянами? — поинте-

ресовался папа у Егора, когда тот взял трубку. — Что-то я не понял.

— Да ерунда, пап, — отмахнулся мальчик. — Ну их! — и неожиданно хитро улыбнулся. — Не понимают они, что настоящий мужчина должен окружать заботой маму и сестрёнок! И не только Восьмого марта! Ну, что с них возьмёшь? Инопланетяне!

Жизнь в шоколаде по фэн-шую

Я как раз дописывал предложение, когда в комнату зашла старшая (ей уже девять лет) сестра Дашка и встала у меня за спиной. А я терпеть не могу, когда дышат мне в затылок. Ручка тут же поехала в сторону и вместо точки прочертила кривую линию. Домашнее задание было испорчено. Я разозлился и запустил в сестру тетрадкой.

— При чём здесь я?! — возмутилась Дашка. — Ты просто делаешь уроки в неправильном месте!

— За письменным столом, — обиженно пропыхтел я, — куда уж правильнее.

— За письменным столом, — передразнила меня сестра, — а где он стоит?

— В комнате, — удивился я такому вопросу.

— А по фэн-шую он должен стоять в зоне мудрости!

Я заморгал глазами — что ещё за зверь такой — фэн-шуй?!

— Это не зверь, — снисходительно фыркнула Дашка, — а учение такое специальное.

И стала втолковывать мне, что если следовать его правилам, то жизнь будет лёгкая и весёлая, потому что всё будет делаться само собой. Глав-

ное, правильно квартиру на зоны поделить. И делать уроки только в зоне учёбы, или, по-фэн-шуйски, в зоне мудрости. Тогда от пятёрок отбою не будет. Это мне понравилось.

— Слушай меня, — важно сказала Дашка, — и будешь весь в шоколаде.

Я кивнул. Мы тут же создали тайное общество фэншуйщиков-заговорщиков, естественно, с Дашкой во главе, и дали клятву всегда и везде следовать этому учению. Следующий час мы при помощи компаса (потихоньку одолженного у папы) и каких-то загадочных таблиц и кругов вычисляли зону учёбы в нашей квартире. По всему получалось, что она у нас в кладовке.

— Ну, вот, — возмущённо сказала Дашка, окидывая взглядом ряды банок с огурцами, — и они (в смысле родители) ещё хотят, чтобы мы хорошо учились! Ну, какой мудрости можно набраться от огурцов?!

— Вот именно, — поддакнул я, — здесь даже некуда поставить стол!

Расставаться с мечтой о «самособойделанье» не хотелось. Я напомнил сестрёнке, что она у нас главная, так что пусть шевелит извилинами, как говорит папа. Дашка подумала и сказала:

— А что, если задобрить фэн-шуй и украсить

кладовку амулетами!

Таинственных амулетов у нас не было, и мы развесили по кладовке мамины бусы. Наконец всё было готово к «набиранию» мудрости. Но тут пришла мама и прогнала нас спать. Я даже не успел стихотворение дочитать.

— Спи спокойно, — утешила меня Дашка, — фэн-шуй уже загнал его в твою голову!

Но, наверное, фэн-шую не понравились мамины бусы вместо амулетов, потому что на уроке в своей голове я никакого стиха не обнаружил. Да и вообще на урок я опоздал. Потому что утром Дашка заявила, что двигаться к цели надо, глядя строго на восток. Кое-как определили его по папиному компасу. К сожалению, этот самый восток оказался совсем не там, где наша школа. Идти с повернутой вбок головой было ужасно неудобно. Я три раза упал. Хотел разреветься, но Дашка напомнила про данную клятву. Поэтому я даже не оправдывался, когда Ольга Ивановна меня отчитывала за внешний вид, опоздание и невыученное стихотворение, а потом ещё и за драку на физкультуре.

— Кирюха, пасуй!!! — вопил мой друг и капитан футбольной команды Лёха. Я уже собрался стукнуть по мячу, как вспомнил про клятву, ну,

про то, что всегда и везде… А по фэн-шую-то движение надо начинать с правой ноги, чтобы уж наверняка. Или с левой… В общем, пока я с ноги на ногу переминался, Димон из «вражеской» команды мяч у меня увёл и гол нам забил. Ребята на меня здорово разозлились, а Лёха больше всех. Вот мы с ним и подрались. Мне было ужасно обидно, но я всё равно остался верен нашему с Дашкой тайному обществу и на русском языке на доске предложение левой рукой написал. Как и положено по фэн-шую. Тут Ольга Ивановна не выдержала и моим родителям послание настрочила. Вечером дома был разговор с папой. Пришлось нам с Дашкой рассекречиваться. Послушал папа о наших мечтах о шоколадной жизни и грустно вздохнул:

— Никакие вы не фэншуйщики, а самые обыкновенные бездельники!

И расставил нас с Дашкой по углам, строго на восток, по фэн-шую. В общем, шоколад я с тех пор не ем.

Внешность обманчива, или Операция «Булочка»

В понедельник в 1 «А» пришла новенькая. Все мальчишки в неё сразу, как по команде, влюбились. Кроме Стасика, его в тот день в школе не было. У новенькой всё было ужасно красивое! И имя — Снежана Белкина, и банты — большие и белые, и туфельки — красные и блестящие! Не девочка, а пирожное с кремом! Такую даже за косичку дёрнуть неловко. А как ещё любовь доказывать?

— Вот если нападут на неё хулиганы, я её спасу! — заявил Димка Малкин и руками-ногами замахал, почти как Джеки Чан.

— А если за неё выкуп потребуют, я свою копилку пожертвую! — подхватил Дениска. — Я уже три дня на велик коплю!

— А я ей дам свой мобильник посмотреть, — продолжил список «подвигов» Вадик, — если мама разрешит.

— А я про неё стихотворение напишу! — воскликнул поэт Юрчик и, закатив глаза, завёл:

В белый бант одета и красную туфлю́,

Белкина Снежана, я тебя люблю!

— А я, — перебил его Мишка Пряников, — я ей свою булочку сегодня за обедом отдам!

Все сразу притихли и с уважением посмотрели на Мишку. Потому что булочка с клубничным джемом — это вам не какие-нибудь хулиганы со стихами! Только Димка упрямо буркнул:

— Всё равно бандиты круче.

Но всем было ясно, что это он просто так сказал — от досады, что не он придумал.

— Не, — покачал головой Никита, — твои хулиганы когда ещё будут, а обед — после третьего урока!

И все с нетерпением стали ждать большой перемены. Один Мишка не ждал, он уже пожалел, что про булочку ляпнул. Да и лучший друг Лёха Костиков покрутил пальцем у виска:

— Лучше б ты сосиску отдал!

Да Мишка и сам знал, что лучше. Потому что такие восхитительные булочки только в школе пекли.

— Может, она откажется, а? — с надеждой посмотрел он на друга.

— С чего бы? — хмыкнул Лёшка.

— Ну, а вдруг она, как твоя сестра, балерина? Ты же сам говорил, что они только воздухом

питаются!

Лёха внимательно посмотрел на новенькую.

— Сейчас проверим! — пообещал мальчик и бодро направился к парте Белкиной.

Он вертелся юлой, поднимался на цыпочки, приседал…

— А что это ты делаешь?! — открыла рот Снежана.

— Как что? — Лёшка как раз изобразил «ласточку». — Не видишь, что ли? Это же флик-фляк! — припомнил он слышанное от сестры слово.

— Шапокляк?! — наморщила лоб девочка. — Это я, что ли, Шапокляк?! — и она треснула Лёху линейкой.

Костиков даже упал от возмущения.

— Не, — отряхивая брюки, пояснил он Мишке, — не балерина она! Про «флик-фляк» не знает.

— А может, у неё эта… ну… как её… аллергия? — размечтался мальчик. — А что? У моего двоюродного брата есть. Так он ничего, кроме каши, не ест.

— Сейчас! — опять направился к новенькой Лёшка.

— Хочешь? — помахал он перед носом девочки «Красной Шапочкой».

Белкина без слов выхватила из рук мальчика конфету.

— Нет у неё никакой аллергии, — недовольно буркнул Лёха, — видал, как схомячила?

Мишка загрустил: делиться не хотелось, но слово — не воробей.

— Идея! — воскликнул Лёшка. — Ты протянешь булочку Белкиной, а мой брат, он в третьем классе учится, выхватит её у тебя и убежит. Ты вроде и ни при чём! Конечно, потом ему надо будет полбулки отдавать! Зато другая половина тебе останется!

Мишка подумал и согласился — полбулки лучше, чем ничего.

Наконец наступила большая перемена, и 1 «А» отправился в столовую. Как назло там одуряюще пахло свежеиспечёнными булочками. Первоклашки их мгновенно с подноса расхватали и на Пряникова уставились. Под их ждущими «подвига» взглядами Мишка поплёлся к Снежане.

— Внимание! — зашептал верный друг. — Операция «Булочка» начинается!

К Мишке развязной походкой двинулся Лёшкин брат. Но ещё раньше к нему же направился гроза малышей пятиклассник Прыщ. Однако, прежде чем они добрались до Пряникова, тот

споткнулся и грохнулся на пол. Булочка укатилась под стол Снежаны. Туда же кинулся Лёшкин брат, Прыщ, сама Белкина и ещё полкласса. Получилась небольшая свалка. Но самой шустрой оказалась пригретая работниками кухни маленькая беленькая собачка с несобачьим именем Зайка. Она-то и унесла в зубах ароматную булочку. Прыщ от досады отвесил Мишке подзатыльник, Лёхин брат погрозил кулаком, а Снежана, потерявшая в битве под столом бант и туфельку, презрительно фыркнула:

— Растяпа!

Операция «Булочка» с треском провалилась.

— Говорил же, что хулиганы круче! — фыркнул довольный Димка.

— Не, — хихикнул Лёшка, — от них она и сама отобьётся! Видал, как она за булочку дралась!

Мальчишки дружно посмотрели на Снежану — растрёпанная, в одной туфельке, с поцарапанным носом… На пирожное с кремом уже совсем не похожа.

— Да уж, — разочарованно протянул Димка, — теперь я понимаю, почему бабушка говорит, что внешность обманчива!

Мишка вздохнул:

— Эх, зря только булочка пропала!

Лёшка с Димкой, не сговариваясь, разломили свои булочки пополам и половинки протянули Мишке, как пострадавшему за любовь.

Ирина Никитина

Во всём виновата инфузория
Невероятная история, рассказанная учеником Пузырьковым

Вообще-то биологию я люблю. Лютики-цветочки, букашки, таракашки там всякие. А тут сижу, слушаю Дарью Аполлоновну, биологичку нашу. Она что-то говорит, руками на картинку показывает. А на ней, на картинке, туфля нарисована. Вернее, подошва от туфли. И называется — инфузория-туфелька!

И вот смотрю я на эту подошву от инфузории и ощущаю, как не доходит до меня, что Дарья говорит. А она дальше распаляется. Как будто ничего на свете важнее и нет, чем эта туфля инфузорная. Ну, просто уши вянут. Пытаюсь прислушаться и не могу. Вернее, прислушиваться-то прислушиваюсь, а понять не могу.

Испугался я. И тут догадка в голову пришла: может, с ушами что-нибудь? Сижу, потихоньку оглядываюсь вокруг: не видит ли кто? Руками до ушей дотрагиваюсь, и точно: завяли! Уши мои поникли. И тут звонок.

Я во весь дух в туалет, к зеркалу. Так и есть: мои

уши потеряли естественную упругость и завяли, как те цветы в горшках на окне, которые нам ещё на прошлой неделе Дарья Аполлоновна полить велела. И всё из-за какой-то инфузории.

Сбрызнул я их водой из-под крана — никакого результата. Наверное, вода некачественная, подумал я, нет в ней полезных веществ. И тут меня осенило. Ведь в том самом кабинете биологии, у Дарьи, на подоконнике всегда бутылочка с жидким удобрением для цветов стоит.

Подхватил я свои руки в ноги, тьфу, ноги в руки, в общем, уши в руки и бегом в кабинет биологии. Прибегаю — никого, к счастью. Где она, эта спасительная бутылочка? Вот! Ага, отлично! Мало не покажется! Одним словом, вылил я на себя почти всё содержимое. Жду.

Не прошло и минуты, как я почувствовал лёгкое покалывание в обоих моих приспособлениях для распознавания звуков. С ещё большим ужасом я схватился за уши. Нет, мои уши уже не были увядшими. Случилось невероятное: они ожили и, надо сказать, стали жить самостоятельной жизнью. Из ушей пробились на свет самые настоящие цветы…

И тут дверь открылась, и в кабинет вошла биологичка.

— Пузырьков, ты, как всегда, всё делаешь с опозданием, — сказала она нестрого, не глядя на меня, и достала журнал для оценок. — Полить цветы я просила ещё на прошлой неделе.

— Да я уже полил, — промямлил я, и холодный пот выступил на моём лбу.

Но я не растерялся, быстро взял себя в руки и, сорвав цветы с собственных ушей, протянул их Дарье:

— Вот. Это вам, Дарья Аполлоновна.

— Великолепные тюльпаны, — удивилась учительница. — Неужели сам вырастил?

— Да. Случайно получилось. Это всё из-за инфузории.

— Молодец, делаешь успехи по биологии. За сегодняшний урок ставлю тебе пятёрку, — сказала она, закрывая классный журнал.

Радость моя была безгранична. Я с любовью посмотрел на инфузорию: такая милая туфелька. И чего я на неё взъелся? А вообще-то биологию я люблю.

Татьяна Шипошина

Волшебное дерево

Жил Санька в большом-пребольшом городе, где было много высоких каменных домов, но мало, очень мало было деревьев. И росли-то они в основном не во дворах, не на улицах, а в парках. И люди ходили в парки, чтобы полюбоваться деревьями.

Однажды весной Санька пришёл в парк и увидел большое-пребольшое дерево. Кора его была толстой и морщинистой, ветви — могучими, и было оно на вид таким сильным, таким умным!

«Эх, — подумал Санька, — мне бы стать этим деревом! Ноги — как корни, туловище — ствол, а руки и голова — ветки. И шелестел бы я листиками, как целый лес. И стоял бы прямо в нашем дворе!»

Только он это подумал, как вдруг из-за дерева выходит маленький старенький человечек с большой белой бородой. Выходит и говорит:

— Ты хочешь превратиться в дерево? Почему? Может, ты просто лентяй и ничего делать не хочешь?

— Нет, — почтительно ответил Санька. — Я потому превратиться хочу, что дерево весной пах-

нет очень вкусно. И ещё — когда дерево большое, то на него можно качели повесить. И скворечник, и кормушку. Залезть на него. Вокруг в прятки играть. И вообще — красивое оно, большое. А у нас во дворе — даже маленьких деревьев нет!

— Хорошо, — сказал волшебник, — я могу превратить тебя в дерево, но только до вечера. Согласен?

— Согласен, — ответил Санька.

Тут волшебник быстро-быстро что-то забормотал. Санька и подумать не успел, как очутился в своём дворе.

Он почувствовал, что ноги его уходят в глубину, руки и шея — вытягиваются и он весь покрывается маленькими зелёными листочками.

Конечно, не получилось из Саньки большого и мудрого дерева. Во дворе сиротливо и одиноко стояло маленькое, взъерошенное деревце!

— Смотри, — сказала Санькина мама Санькиному папе, выглянув в окно, — кто-то посадил деревце! Какое оно лохматое! Чем-то нашего Саньку напоминает!

Папа долго смотрел на деревце.

— Слушай, — сказал он маме, — помнишь, раньше мы весной всегда деревья сажали, в школе ещё. Давай тоже два деревца во дворе посадим!

— Давай! — засмеялась мама.

Родители пошли в магазин саженцев, который через дорогу, и купили два. Они посадили их рядом с Санькой.

Тут в окошко высунулась тётя Валя, Вадимкина мама:

— Это что, воскресник?

— Да! — крикнули снизу Санькины родители.

Тётя Валя пошла в магазин, принесла и тоже посадила деревце. Скоро все жильцы побежали покупать деревья: домохозяйки, военные, мастер спорта по шахматам, повар, учительница музыки, пенсионеры и, конечно, дети — всем захотелось посадить деревце, и все посадили — кто по одному, кто по два.

Целая роща выросла во дворе. Санькина душа пела от счастья.

Наступил вечер. С непривычки у Саньки озябли корешки. На ветку сел удивлённый воробей, чирикнул и улетел. Постукивая палочкой, во двор вошёл тот самый старичок. И даже рот раскрыл от удивления:

— Ох, старость — не радость! Ну и забывчив я стал! Когда я успел столько мальчишек напревращать?

— Нет, дедушка! Вот он я! — Санька покачал

ветками. — А это всё наши посадили!

— Странные вещи творятся на свете! — сказал волшебник и забормотал заклинание.

И Санька почувствовал, как корешки и ветки втягиваются в него, как ноги, руки и голова снова становятся на свои места.

— Спасибо, дедушка!

— Кхе-кхе, на здоровье! — и дедушка исчез.

Санька взмахнул руками, подрыгал ногами, покрутил головой и побежал домой.

Посреди двора новая роща шелестела листвой. Было уже темно, в окнах начали зажигаться огоньки. Около каждого окна стояли люди и смотрели на деревья, и каждый вспоминал о чём-то хорошем.

И никто не заметил, что в роще стало на одно деревце меньше.

Сергей Георгиев

Волшебное зеркало

Девочке Маше на день рождения родители сделали замечательный подарок: большое зеркало в старинной раме.

Да не простое зеркало, волшебное. Посмотрится, бывало, Маша в это зеркало и как бы между прочим спросит:

— Кто на свете всех милее, всех румяней и белее?

Зеркало в ответ без запинки всегда хозяйке отвечало:

— Ты, Мария, спору нет! Даже не сомневайся!

Одно с волшебным зеркалом неудобство: каждодневного ухода требует — чтобы, значит, на поверхности ни пятнышка, на старинной раме ни пылинки.

Всего-то неделю Маша зеркало не протирала, но однажды, как всегда по-хорошему, спросила:

— Кто на свете всех прекрасней?

Зеркало вздохнуло:

— Интересуешься, Мария? Правильно делаешь…

И выдало:

— Танька из второго подъезда, вот кто на свете всех прекрасней! Бе-е-е!

Кувшин

Один дедушка решил сделать своей внучке подарок ко дню рождения. Он пришёл в магазин и попросил показать ему большой красивый кувшин.

— Вот здесь написано, что кувшин сделан в Англии, — спросил дедушка продавца. — В самом деле так?

— Должно быть, — согласился продавец.

Тогда дедушка одним глазом заглянул в кувшин и прогудел туда:

— У-у-у-у!

И кувшин сразу же загудел в ответ.

— Странно, — покачал головой дедушка. — Какой же это английский кувшин?! Я ему на чистейшем русском языке сказал: «У-у-у-у!», и он мне ответил тем же!

Продавец подумал и объяснил:

— Должно быть, на английский язык наше «у-у-у-у!» переводится тоже как «у-у-у-у!», я так думаю!

— Возможно, — дедушка заглянул в кувшин другим глазом и сказал: — А-а-а-а!

Кувшин в ответ отозвался:

— А-а-а-а!

Дедушка и продавец посмотрели друг на друга.

— Что же, выходит, и наше «а-а-а-а» переводится на английский язык как «а-а-а-а»? — спросил продавца дедушка.

— Получается, так, — подтвердил продавец.

Дедушка задумался.

— То есть вы хотите сказать, что знаете по-английски? — напрямик спросил дедушка продавца. — И даже можете на этом языке раз-

говаривать?

— Должно быть, могу, — не стал отпираться продавец.

— Тогда скажите что-нибудь! — попросил дедушка.

Продавец больше часа произносил в кувшин разные длинные английские фразы и выражения. Кувшин в ответ безразлично молчал.

— Точно, «сделано в Англии»! — согласился наконец дедушка. — Он молчит! У вас, любезный, неважное произношение, и этот кувшин просто ничего не понимает!

Валентина Дёгтева

Дед Мороз

В новогоднюю ночь Нинка тайком выбралась из постели и полезла под ёлку. Чтобы подкараулить Деда Мороза и попросить у него самый большой подарок. А то всё фломастеры да фломастеры.

Но там уже держала оборону собака Дунька. У Деда Мороза она собиралась потребовать огромную копчёную курицу, пять батонов колбасы и новый мячик, а потому тихонько рычала и не думала подвинуться. Пока Нинка воевала с ней за место под ёлкой, в комнату на цыпочках вошёл папа. Встал на четвереньки и… полез под ёлку.

— Ах, тут уже занято, — расстроился он.

— Ничего, мы подвинемся, — проворчала Нинка. — Все вы взрослыми прикидываетесь, пока дело до подарков не дошло.

— Я просто подумал… А вдруг можно удочку японскую получить? — сказал папа мечтательно и уселся под голубым шариком. И они стали ждать втроём. Но Дед Мороз почему-то не торопился.

Зато пришла мама. Она просунула голову в дверь и очень испугалась: из-под ёлки на неё

глядели шесть горящих глаз.

— Не бойся, это не мыши. Это мы, — сказала Нинка. — Присоединяйся, мамочка!

— А я и не боюсь, — сказала мама, вползая под ёлку. — И вообще я просто так мимо проходила. Ну что, ещё не появлялся?

Но Деда Мороза всё не было и не было. Зевая, мама проворчала:

— Лучше бы «Огонёк» посмотрела по телевизору. С детства в этого деда не верила.

— Что же ты мне-то столько лет голову морочила? — рассердилась Нинка и сорвала карамельку с ветки (по счёту десятую).

И тут в окно ввалился Дед Мороз. Запыхавшийся, без шапки. В одном валенке. Отдышавшись, выпалил:

— Так, кому тут фломастеры?

Нинка чуть не захныкала:

— Я не хочу фломастеры! Я домик хочу для Барби! Два.

— Странно, — удивился Дед Мороз, — у меня же тут записано: «Двенадцать цветов, на водяной основе…» А вот тёрка для корейских салатов. Одна штука. Чья?

— Моя, наверное, — сказала мама. — Только мне её не надо. У меня уже пять штук таких.

— Неужели? — Дед Мороз устало опустился на стул. — Да разве всё упомнишь…

— А нельзя ли как-то решить вопрос с удочкой… — начал папа.

Дед Мороз с головой залез в мешок.

— Удочка, удочка… Ведь была же какая-то удочка… Не хотите универсальный гаечный ключ? Нет? Забыл я вашу удочку, — вздохнул Дед Мороз. — Собачка, отцепись. Пусти, собачка! Я вот косточку тебе принёс резиновую…

Но собака Дунька очень крепко повисла на его шубе. Она уже давно к ней подбиралась. Гони, мол, копчёную курицу!

— Да это фальшивый какой-то Дед Мороз! — не выдержала Нинка. — Куда настоящего дел? Со всеми подарками?

Дед Мороз обиженно посмотрел поверх очков.

— Я, простите, не фальшивый. Мороз Виктор Фёдорович. Сорок восьмого года рождения. Холост. Вредных привычек не имею. На разносе подарков состою уже двести лет с хвостиком. И, заметьте, никаких жалоб!

— А шапка где?

— За ветку зацепилась, — и Дед Мороз смущённо спрятал необутую ногу в полосатом носке. — Я же не реактивный — везде успевать, — добавил он виновато. — А тут ещё всякие под ёлками подглядывают и ругаются, — и вытер глаза бородой.

Нинке его сразу стало жалко:

— Давайте, — говорит, — дедушка, ваши фломастеры. Они мне очень даже пригодятся.

И мама из-под ёлки вылезла, вся в мишуре:

— Лишняя тёрка в хозяйстве никогда не помешает.

А папа смелости набрался и как скажет:

— Хотите, я вам свою ушанку отдам? И сапоги

резиновые, новые?

Но Дед Мороз этого не услышал. Потому что заснул на стуле, подложив бороду под голову.

— Ну вот, — испугалась мама. — А кто подарки будет разносить? Он тут не растает, у батареи?

Но Нинка никого к Деду Морозу не подпустила:

— Не надо деда будить! Он и так на работе устал. Мама, неси все салаты, что остались! Папа, тащи сапоги! Он, может, единственный, кому на Новый год ещё ничего не дарили! Дунька, сидеть! Будешь сон охранять!..

…А пока Дед Мороз спал, Нинка рисовала фломастерами его портрет и всё представляла, как это он в папиной ушанке и резиновых сапогах будет подарки разносить…

Лариса Аникаева

ДнИвник

— Милый, тут же пишется «е», — мама ткнула пальцем в заголовок. Ромка ещё не успел налюбоваться аккуратно выведенными буквами, как уже надо что-то исправлять и портить!

— Мам! Это же я для себя писать буду, Лиска же никому свой дневник не даёт читать, даже прячет (хотя я знаю где, просто каракули неохота её разбирать, писала бы печатными). Может, у неё тоже там ошибки есть, только о них никто не знает. И вообще, — тут Ромка вдруг придумал, — я тут буду свои ДНИ описывать, так что у меня ДНИвник.

Ромка обрадовался: так он удачно извернулся, всё можно оставить как есть.

— Хорошо, хорошо, — согласилась мама, — дни так дни, только — даже если они и твои — старайся всё равно писать без ошибок. Не буду тебе мешать.

Погладила по голове и ушла, тихо закрыв за собой дверь детской.

Ромке понравилось, что мама к его затее отнеслась уважительно: как будто он уроки сел делать или вообще книжку почитать. Захотелось сразу

что-нибудь такое хорошее написать и даже дать почитать. (Маме только. Лиске ни за что!)

Ромка задумался: как они, эти днивники-дневники, пишутся? Так и писать, как день прошёл? А зачем? Что он, сам не помнит, что ли, про свой собственный день? Для кого всё описывать, если другим читать не давать? Интересно, что там Лиска строчит? Может, взять тихонечко и почитать? Если потрудиться, то и Лискин почерк разобрать можно. Нельзя, конечно, чужие дневники читать. (Это Ромка от сестры сто раз слышал и не стал бы никогда читать. Была охота про Лискин день узнавать! Чего он там не знает!) Но вот как этот дневник пишется…

Ромка залез на диван и засунул руку под подушку кровати второго яруса. Там. Дневник у Лиски с замятыми уголками и распухшими от твёрдого почерка страницами — сразу видно, частенько сюда его хозяйка заглядывает. Ромка, не читая, бережно переворачивал страницу за страницей.

«Вот ведь сколько трудов положено, чтобы столько исписать, — с уважением подумал о сестре. — И ведь никто её не заставляет! Ладно бы упражнение какое задали, а то сама, по своей воле, и что ни день, то целое сочинение».

Ромка отметил, что Лиска аккуратно про-

ставляет даты. Даже сегодня уже успела что-то настрочить.

«Интересно… интересно, как она сегодняшний день описывает…», — и Ромка стал читать. Вначале не было ничего интересного: школа… что-то про мелодии на телефоне… что-то про разговоры в раздевалке. (Ерунда какая-то! Неужели ради этого пишутся дневники?) А потом: «…интересно, кроме слов «поздравляю», мой братец на что-то способен? Скорей всего — нет!!!!!!!!!!!!!»

Ромка зачем-то пересчитал количество восклицательных знаков, закрыл дневник и положил обратно под подушку. Задумался.

Завтра у Лиски день рождения, родители для неё коробочку какую-то уже приготовили, очередной телефон, наверно. А он — ничего. Что с первоклассника возьмёшь? Он и не думал, что это для неё так важно. Ромка вспомнил про количество отчаянных (Тьфу! Восклицательных) знаков — очень важно. И как он сам догадаться не мог!

И тут Ромку осенило, для чего эти дневники нужны! Не для того, чтобы дни свои описывать, а желания-переживания, и надеяться, что их кто-нибудь прочтёт и исполнит.

Весь вечер Ромка потратил на изготовление подарка — самодельной открытки. Получилось

очень красиво и необычно: букет из цветной бумаги при открытии распрямлялся, а в центре букета (вырезал из фотографии) лицо Алисы (лицо тоже постепенно распрямлялось, отчего получился интересный фокус: из сморщенного личика старушки проявлялась Лиска).

В общем, Лиска была в восторге, с открыткой носилась так же, как и с новеньким телефоном. Даже в школу брала показывать. Вот она — польза от дневника!

На следующий день Ромка в своём новеньком дневнике без всяких ненужных предисловий (меньше пишешь — ошибок меньше!) сразу написал про свой день рождения (варианты возможных подарков). Прочёл написанное, внимательно перепроверил — остался очень доволен. Вспомнил Лискины записи и добавил дату.

А дневник положил себе под подушку, да так, чтоб был чуть-чуть виден его уголок. Теперь — Лискина очередь!

Елена Ракитина

Дед Мороз в волшебной каске

В конце урока внеклассного чтения Мария Степановна вдруг предложила:

— А давайте организуем литературный кружок! Книжки читать вы любите. Будем что-нибудь сочинять и записывать. Есть желающие?

Все подняли руки.

Ни в какие школьные кружки нас не принимали, говорили: «Вот поступите в пятый класс, милости просим!» Но мы-то в конце концов, поступим. А попросятся старшеклассники к нам в литературный, презрительно сощуримся: «Станете третьеклашками — тогда пожалуйста!»

— Надо определить ваши способности, — сказала Мария Степановна, — ведь умение литературно излагать свои мысли — это как слух. Не у каждого есть… Но развить можно! — поспешно добавила она. — Будем развивать.

— А как определить способности? — деловито спросила Котикова, подняв руку.

— Скоро чудесный праздник — Новый год, — улыбнулась Мария Степановна. — Самый волшебный! Вот и напишите каждый сочинение «Дед Мороз в волшебной каске»! А принесёте

завтра, на первое заседание кружка.

Когда мы шли с Егоркой домой, на улице поднялась настоящая метель, ветер ухал и толкал нас в спины могучей лапой. Потом вдруг разворачивался и бросал в лицо горсти колючих снежинок. У меня замёрзли нос, уши и даже волосы на голове.

Еле успевая уворачиваться от ветра, становясь к нему то и дело спиной, я спросил:

— Слушай, а почему Дед Мороз в каске?

— Он же волшебный! — ответил Егорка, не задумываясь.

Это правда. Если волшебный, то он всё может. И в кепке ходить, и в платочке. Хоть с ведром на голове! Это понятно… Но почему именно в каске? По морозу?!

У Егорки была меховая шапка-ушанка, завязанная под подбородком; он в ней, как в танковой броне, шёл. А я шагал в вязаной шапчонке и ни о чём, кроме пронизывающего холода, думать не мог.

Егорка носился как угорелый и всему радовался: и тому, что ветер, и тому, что теперь у нас будет кружок. Только он говорил, что лучше бы это был кружок по выращиванию удавов или, на худой конец, котят. Потому что из них хоть что-

то да вырастет, а получатся ли из нас писатели — неизвестно.

— А ты про что сочинять будешь? — спросил я, прикрываясь варежкой от натиска снежных армий, которые неслись теперь сбоку. Щека сразу замёрзла, и я стал её растирать.

— Про всякие приключения, чтоб интереснее! — подпрыгнул Егорка. — А ты?

— А я про каску, наверное.

— Чего про неё писать? — хмыкнул Егорка и проехался по ледяной дорожке у забора. — Про неё все напишут. Ты лучше детектив сочини или ужастик.

Если б у меня была ушанка, я бы, может быть, тоже про детективы думал… Но шапка моя не грела. А каково же ему, Деду Морозу, в каске?! Совсем голова заледенеет, пока он с Севера к нам на санях домчится. Вот попробовала б Мария Степановна сама! На санях и в каске по морозу! Тогда небось не задавала бы такие сочинения!

Дома я еле согрелся. И батарею руками обнимал, и чай пил, и маме позвонил, что надо мне ушанку, как у Егорки.

А вот Дед Мороз как?! Ни батареи, ни чая, ни ушанки. Как он там?!

«Стоп! — тут же сказал я себе. — Каска-то вол-

шебная! Возможно, согревающая. Возможно, внутри там какие-то батарейки…»

Я положил перед собой лист бумаги и задумался: откуда она вообще взялась, эта каска? Думал, думал и скоро догадался, в чём дело.

«Однажды наступил день, когда все-все люди решили жить в мире, — написал я. — Они договорились между собой, что больше не будет военных баз и все солдаты и генералы пойдут домой.

Пистолеты, ракеты, танки, пушки переплавили и сделали из них карусели. Генералов и солдат пускали кататься бесплатно, чтоб они не так тосковали по военной жизни. У них от каруселей голова кружилась, и все военные мысли вылетали.

В парках теперь стало полно народу, а на полигонах — никого.

Дед Мороз как-то проходил мимо старой военной базы. Она была пустая, только в центре её лежала забытая, никому не нужная каска.

«Отличная вещь! — сказал сам себе Дед Мороз, снял свою шапку и надел каску на голову. — Если вдруг мои сани налетят на забор или гору Килиманджаро, то удары в такой замечательной каске не страшны».

Он подарил свою шапку синицам, чтобы они свили в ней гнездо, и весело зашагал дальше.

А у Деда Мороза всё волшебное: и руки, которые игрушки неизвестно откуда берут (для детей всей планеты, попробуй!), и ноги, которые в каждую квартиру заходят, ну и, конечно, голова. Каска подзарядилась от головы волшебством (ведь она была железная, эта каска, и не пропускала волшебные лучи наружу) и тоже стала волшебной».

Тут я положил ручку и задумался. Что же может делать волшебная каска? Кукарекать, прыгая по сугробам, орать песни или что-нибудь полезное?

«Волшебная каска научилась делать подарки, — написал я уверенно. — Попросит какой-нибудь ребёнок подарок — раз, и готово! Дед Мороз поднимает каску, а там, пожалуйста, чья-нибудь мечта!

Шёл Дед Мороз через Чукотку, выбежала к нему из юрты девочка, попросила апельсин. Каска раз — и сделала. Приподнял её Дед Мороз, а на голове красуется фрукт заморский! Девочка в ладоши захлопала и попросила ещё: для братика, мамы с папой и оленей, что около дома паслись, на всякий случай.

Дед Мороз только успевал поднимать каску. Нагрузилась девочка апельсинами и убежала в

юрту. А Дед Мороз дальше пошёл. Он в санях не всегда ездил, потому что знал: ходьба полезна для здоровья.

Дошёл до Урала. Видит: сидят в лесу туристы, на гитаре играют и песни поют. Увидели Деда Мороза, обрадовались. Они кашу на костре варили, а сахар закончился. А какая каша без сахара? Так, недоразумение…

Попросили туристы сахар. Каска раз — и готово! Приподнял Дед Мороз каску, а на голове кулёк с сахарным песком! Здорово! Сварилась каша. Дед Мороз каску подставил, ему туристы туда сразу две порции положили. Хорошая вещь каска, вместительная! Дед Мороз ел и думал: здорово, что она у него завелась, в обычную шапку кашу небось не положишь!

Долго так ходил Дед Мороз, а каска всё колдовала и колдовала.

Люди попадались с пониманием, просили небольшие вещи. Кто плеер, кто диски, кто телефон мобильный.

Попадались и умные, которые книжки заказывали.

Каска ничего ни разу не перепутала, всё делала как надо.

Одна девушка про любовь попросила. Дед Мороз поднял каску, и из неё выпало письмо от парня, с которым девушка ещё в летнем лагере во втором классе познакомилась и который все годы любил её без памяти.

Вот какая была каска! Абсолютно всё могла. Даже Дед Мороз поражался её способностям!

Но попался раз Деду Морозу мальчик, который стал компьютер выпрашивать. Дед Мороз пассы в воздухе сделал — клавиатура выскочила, он ещё — монитор получился, а потом сколько ни старался — ничего не выходило. А мальчик вредный оказался, нет чтобы «спасибо» сказать — канючить начал, доказывать, что у него подарок неполноценный. «Что за Новый год, — кричит, — когда желания не исполняются?! И Дед Мороз ты не настоящий!»

Обиделся Дед Мороз, напряг всё своё воображение… И каска напряглась. Хоть и железная, но у неё тоже свой запас прочности… Из последнего запаса этого напряглась. Сделала каска компьютер! Только получился он кривой, потому что каска треснула. Увидел это Дед Мороз, сел и заплакал».

Тут мне стало так жалко Деда Мороза, что я сам начал хлюпать носом… И с этим мальчишкой, которого я придумал, мне захотелось подраться! Уж я бы ему показал, как каски ломать! И зачем только эту жадину в сочинение вставил! Я хотел вырвать страницу, но посчитал их и понял, что уже вырывал. Что делать? Прекрасная волшебная вещь была сломана…

А Дед Мороз с непокрытой головой сидел над ней, пригорюнившись. Спасать его надо было,

бедного, да поскорей!

«Тогда Дед Мороз пошёл на станцию техобслуживания, — торопясь, написал я, — и ему каску заварили. Сварочным аппаратом. А бабушка сварщика, которая сварщику на работу обед носила, тут же села и связала утеплитель для каски. Хорошенькую вязаную шапочку, только без помпона. Дед Мороз наколдовал им за это маленького пушистого котёнка, поблагодарил и дальше пошёл. Так он до сих пор ходит в волшебной каске. Только слишком большие желания выполнять перестал. Во-первых, люди портятся: жадными становятся, во-вторых, каска трескается».

Я поставил точку и улыбнулся. Очень поучительная сказка получилась. Только правая рука с непривычки болела.

На следующий день мы сдали свои литературные работы, и Мария Степановна стала читать их вслух.

Девчонки писали про сказочный лес, танцующие снежинки и зверей, которые водят хоровод вокруг ёлки. А мальчишки про то, как Дед Мороз стал мушкетёром, Бэтманом и Человеком-пауком.

Я даже заслушался про паука, так интересно было. Это Егорка сочинил, постарался. Дед Мороз

у него не только по стенам лазил, но и плёл паутину валенками.

— А это что такое? — улыбнулась Мария Степановна. — «Дед Мороз в волшебной каске»! Чья это работа?

— Моя! — поднялся я. — Черкашина.

— Миша! Ну, когда же ты станешь внимательным! — всплеснула руками Мария Степановна и рассмеялась, как девочки на перемене, заливисто и звонко: — «Дед Мороз в волшебной каске»!

Все тоже засмеялись. И я. Потому что смех бывает заразительный, как чихание или зевание.

— Я говорила: «Дед Мороз в волшебной СКАЗКЕ», — успокоившись, сказала Мария Степановна. — При чём же тут каска?

— Это только кажется, что ни при чём, — нахмурился я, — а на самом деле очень даже при чём. Вы почитайте. Она ж волшебная, эта каска.

Мария Степановна стала читать. В классе наступила такая тишина, как на контрольной. Котикова жевала кончик косички. Вова слушал с раскрытым ртом. Егорка лёг на парту. Было слышно, как звенят за окном трамваи.

— Замечательная сказка! — улыбнулась Мария Степановна, дочитав. — И каска тоже!

Все одобрительно загудели. А я почувствовал,

что уши у меня почему-то стали горячими.

— Назначаю тебя, Миша, председателем литературного кружка. Останешься сегодня после уроков, обсудим план работы, — сказала мне учительница со значением.

Прямо, как Пушкину, сказала!

— Я сегодня не могу после уроков, — ответил я. — Мы с мамой идём покупать ушанку.

Мария Степановна кивнула:

— Ну ладно, тогда завтра.

Она не спорила. Голова председателя литературного кружка должна быть в тепле. Только вот беда, мне теперь не хотелось ушанку. Я мечтал о каске. Чтоб как у Деда Мороза! Я бы тогда все желания выполнял. У меня бы были и машинки с гаражами, и говорящие солдатики, и телефон, и ролики! А у мамы — море под окном и духи в коробочке! А у папы — новые зимние шины.

Тут я вспомнил, что она маленькая, моя каска. Море с шинами она бы не одолела, наверное…

Мне стало жаль маму с папой. Что я могу им подарить? Наверное, каска смогла бы сделать так, чтобы я их радовал? Не рвал карманы, чистил зубы, не разбрасывал носки, не чавкал, мыл за собой посуду, не разливал компот, вставал по звонку будильника, не вертелся на уроках, учил-

ся бы на пятёрки, не оставлял капусту в супе и не вылавливал пенки из молока.

Нет, такое не под силу даже ей, самой волшебной каске!

Одинаковые сны

Как-то самым обычным утром, зимним и серењким, вешали мы с Егоркой куртки в раздевалке. А Илья Петухов, который только пришёл, вдруг стал своим шарфом длиннющим размахивать, «Змеи атакуют!» кричать. И ни с того ни сего нас этим шарфом — по макушкам, по макушкам!

И тут я вспомнил!

— А мне сегодня сон про змею приснился! — говорю. — Огромная такая змея, как лошадь! И я катался на ней по улице!

— Ничего себе дела! — воскликнул Егорка. — И мне змея снилась! Морская! Она за мной по морю гонялась, а я уплывал.

Илья покосился на нас испуганно:

— Может, мы одинаковой болезнью заболели? Я ведь почему стал шарфом размахивать? Мне снилось, что я генерал и воюю с кобрами!

— Не может быть! — подпрыгнул я. — Давайте сейчас у всех спросим, что они во сне видели!

И мы скорее в класс побежали.

Марии Степановны ещё не было, все галдели, я забрался на парту и поднял руки:

— Тихо-тихо! Внимание! Внимание! Научное

открытие! Только надо ещё проверить! Чур, отвечать по порядку! Иванова Маша, хватит жевать, ну-ка, вспоминай, что тебе снилось?

Все притихли.

А Маша ещё кусок яблока откусила и отвечает с набитым ртом:

— Жмеи какие-то толжтые.

И тут все закричали:

— А мне удав!

— А мне ужи с крыльями!

— А меня во сне питон за живот укусил! Вот!

Я тогда говорю:

— Вот видите, и нам с Егоркой, и Илье тоже змеи снились! Как это могло случиться?!

Маша яблоко отложила и заявила строго:

— Очень просто! Всё на свете зависит от питания! Даже одинаковые сны!

Я удивился:

— Мы же все разное едим!

— Но в школе-то одно и то же!

Тут все закричали, что это чудеса какие-то, что так не бывает, что это антинаучный факт и всё такое!

А Аля Селикова говорит тихонько:

— А мне собачки…

— Чего собачки? — спрашиваю её.

— Снились, — пожимает она плечами.

Только я ей тогда нисколечко не поверил. Моя радость тогда просто не вмещала собачек.

— Может, мы научное открытие сделаем?! Про то, как сны от продуктов зависят? Вот вчера мы ели манную кашу! Может, все, кто её ест, видят во сне ужей и удавов? И нам Нобелевскую премию за это дадут! Большую — ого-го! Можно всем классом запросто вокруг света отправиться!

Я всегда мечтал куда-нибудь поехать, но ездил только в деревню к тёте да раз на неглубокое Азовское море. Я всегда знал, что люблю кататься на верблюдах и дельфинах, только меня на них не катали. Папа с мамой забыли, наверное, о чём сами мечтали в детстве. А может, они об этом не мечтали? Я решил, если получим премию, я сам их на всём покатаю. Запросто!

Так всем и объявил. И ребятам моя идея понравилась!

Первым делом мы выбрали Комитет по изучению снов 1 «В» класса. Я стал председателем, Егорку взял заместителем и все уроки потом таблицу чертил, чтобы каждый день отмечать эти самые сновидения и еду.

Ничего из объяснений Марии Степановны не запомнил. Зачем уроки, если Нобелевская премия на носу?

Но завтра оказалось, что всем приснилась какая-то чепуха: кому черепахи, кому ромашки, кому поросята с велосипедами…

— А тебе, Селикова, что? — спросил я Алю.

— А мне — собачки…

В общем, ничего не понятно. И на следующий день всем разное снилось, и на следующий! Мы уже разуверились, что у нас что-нибудь полу-

чится.

— Это потому что нам манную кашу в столовой не дают. Перед змеями нас манкой кормили, — напомнила всем Иванова Маша.

Пришлось идти в столовую, выяснять, когда варят манную кашу. Оказалось, только по понедельникам.

Еле-еле мы понедельника дождались! Приходим в столовую, а там! На ослепительно белых тарелках дымится она: белая густая манка! Наконец-то!!! Только Аля Селикова посмотрела, что каша манная, развернулась и назад, в класс, пошла. Я даже ложку бросил.

— Стой! Ты куда? — кричу.

А она мне спокойно так отвечает:

— Я её не люблю, — и дальше себе идёт.

— Ты что?! — бегу я за ней. — А эксперимент?!

Тут все ребята кинулись Алю уговаривать. И просили её, и стыдили, а она своё твердит: «Не буду! И всё!» Даже хныкать начала.

— Ладно, — махнул я рукой, — может, дело совсем и не в каше.

На следующий день, ещё будильник не успел отзвенеть, я сразу бросился к телефону.

— Ну что, Егорка?!

— Крокодил! А тебе?

— И мне тоже!

Ничего себе, думаю! Вот оно, открытие!!!

В школу мы самыми первыми прибежали и самыми первыми у ребят узнавали, что кому снилось. Мы спрашивали:

— Ну как — крокодил?

Все удивлялись и говорили:

— Точно!

Илья Петухов крокодилов лечил, Юра Мухин играл с ними в шахматы, а Маша Иванова их яблоками кормила… Я всех ребят обнимал, как председатель, Егорка руку жал, как заместитель. А потом против каждой фамилии в таблице я написал — «крокодил».

Еле-еле мы дождались, когда Аля придёт.

— Ну, — говорю сурово, — что тебе снилось?!

А Аля испуганно отвечает:

— Собачки!

В следующий понедельник мы повели её в столовую за руки. Потому что она знала уже, что манная каша будет, и упиралась. Всю дорогу я ей втолковывал, как здорово путешествовать вокруг света.

— Селикова! Ты что, не хочешь на дельфинах кататься?!

— Нет, — отвечает она со слезами, — они мок-

рые…

— Ну не хочешь на дельфинах — не надо, — не сдавался я, — а на верблюдах, которые корабли пустыни?

— Нет, — мотает головой, — они плюются!

Ну о чём можно с таким человеком разговаривать!!! И тут я прямо увидел, как из-за этой капризной девчонки ныряет и не выныривает мой дельфин, улепётывает за горизонт верблюд, а все мы переходим во второй класс без славы, премий и путешествий!

— Не хочешь себе счастья, не надо! — сказал я устало. — Но ради счастья двадцати человек съешь пару ложек!

Аля нахмурилась, вздохнула, ещё раз всхлипнула и… согласилась!

На другой день всем почему-то снились мыши. Мне — Микки-Маус, Егорке — мышеловка, Маше — яблоневый сад, в котором мыши урожай собирают.

Аля пришла в класс самой последней.

— Ну что? Что тебе снилось? — закричали мы хором.

А Аля потупилась и отвечает еле слышно:

— Собачки…

Я сделал страшное лицо:

— Ты, Селикова, нам эксперимент срываешь! Подумай хорошенько! А то мы тебя в кругосветку не возьмём!

А она как разревётся:

— Я хорошо помню, что собачки! Разве я виновата! — и ладошками слёзы еле вытирать успевает.

Прозвенел звонок, и вошла Мария Степановна.

— Что случилось, Аля? — спросила она.

— Я плачу из-за собачек. Меня вокруг света не берут, понимаете?

— Куда, куда?! — удивилась учительница.

— Вокруг света! А я же не виновата, что им то мыши, то крокодилы, то удавы снятся, а мне только собачки! — ещё сильнее заплакала Аля.

— Ничего не понимаю… Какие удавы, какие мыши?

Я встал и заявил гордо:

— Мария Степановна! Мы почти научное открытие сделали. Нам, может, за него Нобелевскую премию дадут. Мы вас тогда на дельфине покатаем! — и я всё про Комитет снов рассказал и показал мятую таблицу.

Учительница её посмотрела и засмеялась:

— Я всё поняла. В понедельник у нас был урок внеклассного чтения. Мы говорили о писателе Киплинге, и я задала вам почитать дома «Рикки-

Тикки-Тави». О чём там говорилось, Миша?

— О мангусте, который победил змею!

— Вы прочитали рассказ, перед тем как ложиться спать, вот вам и приснились змеи! А кто помнит, о какой книге шла речь на позапрошлом уроке?

— Про Чебурашку и крокодила Гену читали! — закричали все. — А дома дочитывали!

— Вот вам и приснились крокодилы, — улыбнулась Мария Степановна.

— А почему же всем снились только они, а не другие герои? — спросил я, отказываясь верить в такую простую разгадку.

— Но ты же спрашивал только про крокодилов! — объяснили ребята.

И выяснилось, что кое-кому снились Чебурашки и даже старухи Шапокляк. До чего мне тут обидно стало! Хоть плачь, как Аля!

— А на прошлом уроке, — продолжила Мария Степановна, — мы читали «Мышонка Пика». Помните, кто о нём написал?

— Бианки!

— Вот вам и приснились мыши, понятно?

— Не может, не может быть! — заспорил я. — А как же Селикова?!

Тут я с надеждой посмотрел на Алю.

— Почему же ей снились собачки?!

Аля потупилась и прошептала:

— Я все книги, что на уроках, ещё летом прочла.

— Что же ты читаешь сейчас? — спросила учительница.

— Про пёсика… Сам белый, а ухо чёрное… Три главы осталось…

— «Белый Бим Чёрное ухо»? Молодец! — похвалила её Мария Степановна. — Это очень, очень хорошая книга! Писателя Троепольского!

Так я перестал быть председателем Комитета снов 1 «В» класса. И где-то в море плавает мой дельфин, а по пустыне неторопливо шагает верблюд. Странное дело! Я не прочёл о них ни строчки, а они снятся мне каждый день…

Егоркины стихи

Я болел и не знал, что Егорка стал поэтом. А сам он мне из скромности не сказал. Только через неделю всё выяснилось.

Оказывается, шёл Егорка в школу. И так как меня рядом не было и разговаривать было не с кем, он рассматривал всё, что вокруг делается. А вокруг, прямо сказать, происходило что-то непонятное: на календаре 3 февраля, снега нет, только дождик накрапывает, на деревьях даже почки наклюнулись. Егорка, конечно, очень удивился, и сами собой у него стихи получились:

На ветвях набухли почки,
Дождик капает два дня.
Я прошу ответ скорее:
Что же это за зима?!

Он пришёл, и Марии Степановне их рассказал. А она на доске записала. Потому что первым уроком было как раз природоведение и проверка календарей погоды. И такие хорошие стихи были очень даже кстати.

Затем Мария Степановна стихи в другие классы

передала, потому что там тоже природоведение было. В 3 «А» и в 3 «Б». А потом, не знаю как, они попали в школьную радиопередачу. Представляете?!

Только я всё пропустил, потому что лежал дома с ангиной.

А через неделю в школе проводился конкурс рисунков «Моя любимая сказка». Мария Степановна мне об этом заранее по телефону сказала, а Егорке поручила, чтоб он мой рисунок принёс, а заодно и стихи к нему придумал.

Егорка прибежал из школы и сразу позвонил мне по телефону:

— Ты что нарисовал?

— А что?

— Понимаешь, мне к твоему рисунку нужно стихи сочинить.

Из-за заразной ангины мамы строго-настрого запретили нам видеться. Я не мог Егорке рисунок отдать, но рассказать запросто!

— Сидят семь гномиков около костра и поют песенки, — начал я и пояснил: — Это к сказке «Белоснежка и семь гномов».

Егорка сказал:

— Ага, пока!

И позвонил через пять минут:

— Всё, сочинил, слушай:

Гномики пели задорно и весело,
Там у костра их целое месиво!

Я прямо ахнул:

— Ты что! Какое месиво? Что они, салат, окрошка или тесто? Первая строчка годится, а вторая — ерунда!!!

Егорка говорит:

— Правда? Ну, это я не подумал. Просто я хотел сказать, что их много. Подожди.

И через три минуты позвонил снова.

— Вот, слушай!

Гномики и тут и там маячат,
Они песни распевают, значит!

Я говорю:

— Ты что, Егор, издеваешься? Где это они у меня маячат? Сидят себе около костра, и всё. И к чему тут это «значит»? Что же, если они маячат, то обязательно с песнями? Ерунда опять.

А Егорка отвечает:

— Понимаешь, когда не видишь картины, про неё сочинять трудно.

Тогда я подробно описал свою картину. Сидят, значит, гномики около костра. У одного колпа-

чок розовый, у другого — красный, у третьего — жёлтый, у четвёртого — синий, а у остальных — в разноцветную полосочку. Над костром висит котелок. А гномики сидят и ждут ужина.

— Очень хорошо, — сказал Егорка, — наконец мне всё понятно.

— Ладно, — говорю, — звони ещё.

Он позвонил ещё через пять минут.

— Ну, слушай, теперь здорово получилось!

Гномики и пляшут, и поют!

Значит, они весело живут!

Я ушам не поверил!!! Только что я рассказывал, что гномики сидят, а они у него танцуют!

— Ты что! — кричу. — Как это пляшут?! У них на это сил нет. Они голодные, ужина дожидаются!

— Подумаешь, — говорит Егорка, — петь у них, значит, силы есть, а плясать нету?

— Нету! — отвечаю твёрдо. — Поют из последних сил.

— Ну ты ещё гномиков нарисуй, которые пляшут. Пусть одни поют, а рядом, которые не такие голодные, пляшут.

— Ты чего! — возмутился я. — Это значит: одни поют еле-еле, с трудом, им голодно и плохо, а другие танцульки устроили? Если б я голодный

сидел, ты б рядом приплясывал?

— Нет, конечно… — протянул Егорка. — Я как-то не подумал. Подожди.

И снова звонит:

Песню унылую, грустную
Гномики в поле поют.
Из котла пахнет капустою.
Как наедятся — заснут.

— Это почему в поле? — удивился я. — У меня гномы в лесу сидят.

— Ты же не сказал, что в лесу.

— Ну так говорю: в лесу! Ёлки вокруг косматые и грибы под кустами.

— А ты зарисуй эти ёлки — поле и получится.

— Ещё чего! Как же я зарисую? Ты лучше другое сочини.

— Ага! — обиделся Егорка. — Ты, значит, перерисовать не можешь, а я пересочиняй и пересочиняй!

— Так у меня краски высохли. Я ж не на холсте рисую, как настоящий художник. Не могу их смыть.

— Сверху закрась! — настаивал он.

— Так бумага покоробится. Некрасиво будет. И вообще, Мария Степановна сказала, чтоб ты к

моему рисунку стихи сочинял, а не наоборот.

— Ладно, — вздохнул Егорка. — Жди.

Только я трубку положил, опять звонок.

— Слушай!

Песню унылую, грустную
Гномы в лесу распевают.
Из котла пахнет капустою.
Кто её съест — засыпает.

— Это ещё почему? — удивился я. — Получается, что у тебя капуста сонная и волшебная. Про это в сказке ничего не написано.

— Нет, — объяснил Егорка, — просто они наелись, и их в сон потянуло.

— Так бы и написал, что потянуло. А то у тебя «трах-бах!»: кто капусту съел — тот и заснул. И песня почему унылая? Они у меня весёлые.

— Как это? — возмутился Егорка. — Ты ж сам говорил — голодные!

— Голодные, но весёлые, — не унимался я. — Ещё какие весёлые!

— Ну, знаешь, — обиделся Егорка, — что я ни сочиню, всё тебе не так. С тобой просто невозможно работать!

— И с тобой тоже! Всё какую-то чепуху выдумываешь!

И мы так разозлились, что трубки бросили. Вечером, правда, Егорка всё-таки пришёл, и мама ему отдала этих несчастных гномов.

Этот рисунок потом второе место в конкурсе занял. И когда я выздоровел, мне вручили блестящую грамоту с узорами по краям и флагом нашего государства сверху. А Егорка так ничего и не сочинил.

Он вообще перестал писать стихи. Совершенно. Мария Степановна спросила на каком-то уроке: почему?

А Егорка только плечами пожал и голову опустил.

Тогда Мария Степановна сказала, что у поэтов бывают перерывы в работе, но это совсем не означает, что они перестают быть поэтами.

— Настоящий поэт постоянно мыслит, как поэт, — добавила она и попросила Егорку не расстраиваться.

Егорка кивнул. А когда мы шли домой, сказал:

— Подумаешь… Очень мне нужно быть поэтом… Я хочу быть аквалангистом — и больше никем. Вот представь: северное солнце маленькой лагуны, в море затерялся бе-лый островок… Я в скафандре… Плыву…

— Постой, постой! — замахал я руками и оста-

новился. — Послушай, что ты сказал:

Северное солнце маленькой лагуны.
В море затерялся белый островок…

Это же стихи, понимаешь?

— Ага, — заулыбался Егорка, — сейчас досочиняю…

Он посмотрел вверх, чего-то там пошептал, подумал, а потом продекламировал:

Северное солнце маленькой лагуны.
В море затерялся белый островок…
Гномик держит удочку,
и в дорожке лунной
Плавает весёлый красный поплавок.

Это было немножко глупо: тут тебе и луна, и солнце — всё одновременно. Но я не стал Егорке надоедать с замечаниями, потому что стихи ведь хорошие. Я к ним потом рисунок нарисовал, и Егорка его дома над кроватью повесил. Там всё: и островок, и гномик, и поплавок. И луна, и солнце.

Александр Рохмистров

Ёжик

В тот день Вовка просто извертелся на уроке. Вера Ивановна наконец не выдержала и велела ему дать дневник. Вова встал и негромко пролепетал:

— Кажется, я его дома забыл.

— А ты неси портфель, мы вместе поищем, — отреагировала на хитрость учительница.

— Не могу, — покраснел Вовка.

— Чего так? — спросила Вера Ивановна, а класс откликнулся дружным хихиканьем.

— У меня там ёжик, — ответил Вова и осторожно выставил портфель на парту.

Такой отговорки учительнице слышать ещё не доводилось. И она, подойдя к парте, заглянула в портфель.

— Действительно, ёжик, — изумилась Вера Ивановна. — Как он там оказался?

— Мы с братом в выходные его на даче поймали, — шмыгнул носом Вовка. — А утром он, наверное, запах яблока учуял, которое мне мама в портфель положила, ну и забрался внутрь.

— А ты, как обычно, в школу опаздывал и в портфель заглянуть не успел. Так? — Вера Ивановна

немного поразмыслила и решила: — Пойдём в кабинет зоологии. Там старшие ребята настоящую лесную полянку соорудили. И домик имеется. Аккурат для твоего ёжика сгодится.

Вскоре кабинет зоологии наполнился восторженными голосами ребят. Немного напуганный ёжик поспешил укрыться в домике. Преподавателю зоологии стоило больших трудов рассадить учеников за парты. И вот, когда класс наконец угомонился, учитель зоологии попросил Веру Ивановну поставить Вовке хорошую отметку. Как поощрение.

— Я бы поставила, — хитро улыбнулась учительница. — Только вот дневник у него дома остался.

— Я в парте поищу, — бесхитростно пообещал Вовка. — Кажется, ёжик его туда затащил.

Ирина Зартайская

А потом…

Сначала ко мне подошла мама и сказала:

— У тебя ведь сегодня контрольная по математике… Давай-ка ты не пойдёшь в школу и выспишься хорошенько!

Затем пришёл папа, принёс новый велосипед с тонкими шинами и сказал:

— Твой-то уже совсем старый, а у моего сына должно быть всё самое лучшее!

За ним подбежала сестра Машка и, подставив обе косички, весело сказала:

— Дёргай, сколько хочется!

После подошла бабушка с подносом в руках, на котором лежали ещё тёплые пирожки с яблоками, и сказала:

— Твои любимые!

Потом в дверях показался дедушка с огромной коробкой в руках…

А потом я проснулся.

Илья Бутман

Пятёрки

Анна Павловна вызвала к доске отличницу Таню Сидорову. Таня прочитала стихотворение наизусть и, как всегда, получила пятёрку.

— А можно, — спросила Таня, — я подарю свою отметку Саше Наумову? У него сегодня день рождения.

Анна Павловна очень удивилась, подумала и поставила в Сашин дневник две пятёрки.

— Одна от Тани, а вторая от меня. С днём рождения тебя, Саша!

На уроке математики Саше подарили пятёрки: Новиков, Гринфельд и Ирина Матвеевна. На уроке географии: Березин, Ульянцева, Алексеев и Андрей Платонович. На уроке истории: Силаев, Гаттаулина и Елена Александровна.

Саша показал дневник родителям, они были в восторге. На следующий день Саша принёс две тройки.

— Раньше я думал, — сказал папа, снимая ремень, — что учёба тебе не даётся, а теперь ты будешь у меня приносить одни только пятёрки!

Шкатулка

Уходя утром на работу, мама сказала Ире:

— Доченька, видишь эту шкатулку? Так вот, ни за что её не открывай. Ни за злато, ни за серебро, ни за «Орбит» без сахара. Какие бы яства тебе ни предлагали, какие бы богатства ни сулили, всё равно не открывай.

Как только мама ушла, девочка тут же бросилась к шкатулке. Она подняла крышку, но ничего интересного там не обнаружила. Только на самом дне лежала записка: «Ирочка, не забудь вынести ведро и сходить за хлебом».

Жадины

Миша и Коля сидели на одной парте. Нина Евгеньевна стояла у доски и объясняла что-то совсем не интересное.

— Ты знаешь, — сказал Миша, — а я очень жадный.

— А я ещё жаднее, — признался Коля.

— Неправда, — возразил Миша, — о чём бы меня ни попросили, я никому ничего не дам.

— И я не дам, — признался Коля, — ещё и чужое прихвачу.

Ребята так увлеклись, что даже не заметили, как рядом остановилась Нина Евгеньевна.

— Подумаешь, — продолжил Миша, — а я вообще всё подряд для себя хватаю, увижу на улице какую-нибудь дощечку — сразу домой тащу.

— Это что, — махнул рукой Коля, — дощечка — дело полезное. А я даже любой гнутый гвоздик хватаю.

— Ой, удивил, гнутый гвоздик выпрямить можно. А я замечу какую-нибудь рваненькую бумажку — сразу в карман.

— Ну и что, бумажку в утиль сдать можно. А я любую пылинку увижу, у меня глаза разгораются,

и я с криком на неё набрасываюсь.

— Ну, вот что, — прервала ребят Нина Евгеньевна, — редко удаётся доставить людям такую радость. Берите в руки швабры и подметайте школу, а за это я разрешу вам распихать весь мусор по своим карманам.

Трус

Жили-были два друга — Рома и Митя.

Рома был трусом, а Митя — мальчиком очень храбрым.

Как-то друзья услышали крик тонущей в реке женщины. Трусливый Рома так испугался за женщину, что бросился её спасать. А храбрый Митя, который ни за себя, ни за других не боялся, пошёл домой.

Возвращаясь из школы, Рома всегда пугался, что уставшей после работы маме придётся делать уборку. Поэтому он сам мыл посуду и подметал в комнате пол. А Митя, который не знал страха, никогда маме не помогал.

— И чего ты всегда трусишь! — возмущался Митя. — Бери пример с меня. Вот я видел сегодня, как мальчишки обижали девочку, но мне ни капельки не было страшно.

Григорий Иоффе

Испорченный телефон

— Как ныне сбирается вещий Олег... — прочитал Пятёркин, однако, куда сбирается Олег, узнать не успел — зазвонил телефон.

— Слушай, Пятёркин, — раздался в трубке бравый голос Четвёркина, — а разве по литературе не задано?

— Как не задано? — удивился Пятёркин. — Задано. «Песнь о вещем Олеге». Читать до конца, три первых строфы наизусть. От слов «Как ныне» до «ты коня». Записал?

— Записал. Привет! — распрощался Четвёркин и раскрыл учебник. Но тут зазвонил телефон.

— Представляешь! — закричал из трубки голос Тройкина. — Смотрю дневник — ни по одному предмету не задано. А мне что-то такое помнится — вроде по литературе не то басню, не то что-то такое задавали. Не знаешь, а?

— Какая басня, когда песня, — солидно пояснил Четвёркин. — «Песня про вещи Олега». От слов «Как ныне» до «тыконя» — наизусть.

— Ну и назадавали! — возмутился Тройкин и хотел было уже раскрыть учебник, да зазвонил телефон.

— Расписание на завтра не знаешь? — сладко позёвывая, поинтересовался Двойкин.

Тройкин продиктовал ему расписание и даже объяснил, что задано.

— А я уже решил — выходной завтра, а потом смотрю — четверг, — сообщил Двойкин и отключился.

На следующий день первым вызвали Двойкина.

— Расскажи-ка нам, что задано на сегодня, — попросила учительница.

— Я знаю, я учил! — заявил Двойкин. — Значит, так... Только я не всё наизусть учил! Я только «Пень» наизусть. А «Вещи» и «Телегу» — читать. Правильно?

— Телегу? — удивилась учительница.

— «Телегу», — подтвердил Двойкин, — а «Пень» — наизусть.

— Ну-ну, рассказывай «Пень», — согласилась учительница. Двойкин вытянул вперёд руку и продекламировал:

— Как Нине тыконя... тыконя как Нине...

— Ну что же ты остановился? — спросила учительница. — Дальше-то что?

Дальше Двойкин не знал, но не растерялся.

— Я учил, — сказал он. — Мне Тройкин по теле-

фону. Тыконя, как его…

— Садись, Двойкин, — вздохнула учительница. — А продолжит Тройкин, он смеётся громче всех.

— Конечно! — вылезая из-под парты, принялся объяснять Тройкин. — Он же всё перепутал. Про телегу что-то такое. Какая телега? Не телега, а Олега. Имя такое — Олег. Как у нашего Шестёркина.

— Что дальше? — прервала рассуждения Тройкина учительница.

— Как что? Басня такая, «Пень и вещи Олега» называется. Мне Четвёркин по телефону…

— Спасибо, Тройкин, хватит, — поблагодарила учительница. — Четвёркин!

На Четвёркина от смеха напала икота.

— Не пень — ик, а песнь, — сказал он. — Ик, песнь про вещи — ик, Олега.

— Как-как? — переспросила учительница.

— Олега — ик, про вещи, песня, — нерешительно повторил Четвёркин.

— Песня?

— Песня.

— Тогда пой! — потребовала учительница.

Четвёркин окинул взором класс, подмигнул Шестёркину, глубоко вздохнул и запел:

— Как ныне сбирается вещи Олег, ик, возить

— продавать по базарам…

— Спасибо, — перебила учительница. — Садись, пятёрка!

— Мне? — удивился Четвёркин.

— Почему тебе? Вам всем. На троих.

Икоту Четвёркина как рукой сняло.

— Между прочим, — возразил он, — пять на троих не делится.

— А ты как делил? — спросила учительница.

— Ну как? В уме.

— В уме не делится, — согласилась учительница. — А в журнале — очень даже хорошо делится. И даже без остатка.

— В журнале?

— А ты думал — в телеге?

— Ничего я не думал…

— То-то и оно, что не думал. Забирай-ка свою вещь, — учительница протянула Четвёркину дневник, — и пойди посчитай, сколько будет пять разделить на три. Ответ сверишь по дневнику.

— А если не сойдётся? — поинтересовался Четвёркин.

— Не сойдётся — проверишь по телефону.

— Точно! — обрадовался Четвёркин. — Телефон! И как это я забыл?! Да мне Пятёркин по телефону!..

Но тут он вдруг осёкся, будто змея его укусила, и, глядя под ноги, осторожно побрёл к своему месту — рядом с Олегом Шестёркиным.

Ирина Фёдорова

Как стать отличником

Надоело шестикласснику Ваське Петрову двоечником быть. В школе ругают, дома ругают, одноклассники подсмеиваются... Ну сколько можно?!

Только вот беда: двойки получать надоело, а учиться неохота. Что делать?

После уроков подошёл Петров к отличнику Сидорову и спросил:

— Слушай, Вовка, посоветуй, как отличником стать, только чтобы уроки не учить!

Сидоров задумался.

— Знаешь, тебе коктейль выпить надо, — наконец сказал он.

— И всего-то?! — оживился Петров. — А какой?

— «Как стать отличником» называется. Представь, ведь мне тоже сначала учиться не нравилось, а потом мне бабуля рецепт дала, я этот коктейль выпил и, как видишь, одни пятёрки получаю!

— Здорово, — восхитился Петров. — Чего же ты мне раньше не сказал?! Я бы уже давно отличником сделался!

— Там состав сложный, — со вздохом пояснил

Сидоров. — Ты, наверное, не поймёшь…

— Ладно, говори, как-нибудь разберусь!

— Нужно взять четверть стакана сахарного песка, потом влить туда треть стакана воды…

— А четверть и треть — это сколько? — перебил Петров.

— Некогда объяснять, — отмахнулся Сидоров. — Посмотришь в учебнике математики. Так вот, когда сахар растворится, добавишь высушенные и размельчённые листья любого крестоцветного растения…

— А как я отличу этих крестоцветных от других?

— Посмотришь в учебнике ботаники. Потом всё это размешаешь и в новолуние поставишь на подоконник, чтобы настоялось как следует…

— А новолуние — это как? Когда луна круглая? — спросил Петров.

— Посмотришь в учебнике географии.

— Ладно… А дальше?

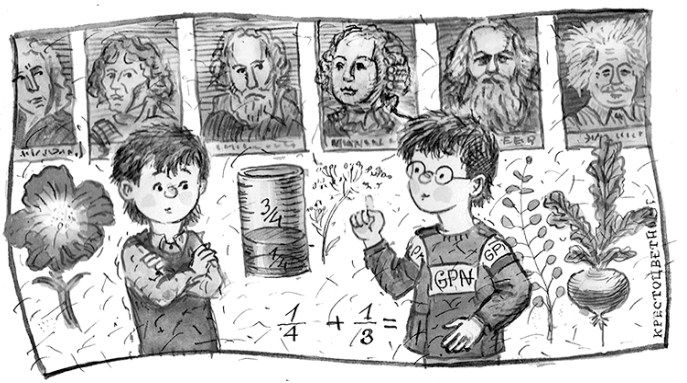
— Пить коктейль надо точно в день, когда произошло какое-нибудь великое событие.

— Какое? — поднял брови Петров.

— Ну, к примеру, великий полководец родился или сражение произошло… Куликовская битва, например… Выберешь то, что поближе по числам

окажется, и пей на здоровье.

— Понятно, — почесал в затылке Петров. — Только как я узнаю, когда эти самые подходящие дни будут?..



— А учебник истории на что? Но самое главное, — тут Сидоров поднял кверху указательный палец, — перед тем, как выпить, надо произнести заклинание.

— Какое? — невольно понизил голос Петров.

Сидоров сделал страшные глаза и злорадно пояснил:

— Десять имён великих учёных с перечислением их открытий и изобретений!

— Где же я этих учёных возьму?! — в ужасе схватился за голову Петров.

— А ты поройся в разных учебниках, — посоветовал Сидоров. — А если хочешь, я тебе свою энциклопедию одолжу.

— Спасибо, ты настоящий друг! — выпалил Петров и побежал домой готовить коктейль.

Через пару недель, получив свою первую пятёрку по истории, Петров подошёл к Сидорову и в восторге воскликнул:

— Слушай, а коктейль-то действует! Ты не жмись, дай рецепт всем двоечникам, пускай тоже отличниками станут!

Олег Тихомиров

Как я терял память

Как же не хотелось идти в школу в тот день. И ведь знал, что историчка Фаина Петровна спросит меня про римского императора Цезаря. Предупредила ведь:

— Тихонов, надеюсь, на следующем уроке ты исправишь свою нелепую двойку.

— Чем же она нелепая? — обиделся я. — У всех лепые, а у меня нелепая.

— У всех нет двоек по истории, — отрезала Фаина Петровна, или попросту Фина, как мы её звали между собой. — Нетрудный предмет — история. Вот почему двойка твоя нелепая. Ладно, не будем заострять на ней внимание. Учи, я спрошу. Справишься. Ты ведь не хуже других.

— Ага, — вздохнул я. — Не хуже…

И вот теперь я шёл в школу вместе со своим соседом по парте Вовкой Тросковым в самом невесёлом настроении.

— Вредная она, — сказад я.

— Угу, — согласился он. Потом спросил: — Ты про кого?

— Да про историчку. Пристала со своим Цезарем.

— Опять не прочитал? — догадался Тросков.

— А когда? Вчера мы играли в футбол двор на двор… Между прочим: два — ноль в нашу пользу. Поесть потом надо? Надо.

— А потом?

— Потом по телику был матч с Португалией. Сам знаешь. Нам наклепали — я переживал. Тут не до Цезаря.

— Ясное дело. Да ещё с таким счётом продули. Какой уж там Цезарь! А нашего центрального как подковали… Со всего маху по ноге.

— На носилках унесли. Идти не мог, — вспоминал я.

— Ещё бы! — загорячился Вовка. — Представляешь, если б тебя так звезданули.

— Да я бы уж точно в школе не появился. Даже на носилках.

— Фину не проведёшь. Всё равно спросила бы тебя про Цезаря.

Мне аж обидно стало:

— Хватит меня Цезарем пугать. История у нас — второй урок. Успею всё почитать на переменке.

План мой был прост и гениален. А главное выполним. Но на перемене я услышал гулкие и призывные удары по футбольному мячу, которые, как музыка, наполнили школьный двор.

«Несколько раз стукну и берусь за Цезаря», — подумал я, а ноги мои уже стремительно несли меня куда-то. Впрочем, они знали куда. И такая удача: на второй минуте я забил гол. «Хватит», — сказал я себе строго. Вернулся в класс. А там, у окна, собралась кучка ребят, и громкий смех то и дело сотрясал её. Оказывается, кто-то принёс книгу анекдотов. Я послушал, потом тоже повеселил всех — рассказал пару-тройку анекдотов. И тут… прозвенел звонок. Вошла Фаина Петровна. Повесила карту походов Цезаря, взяла указку.

— Мне конец, — шепнул я Вовке. — Сейчас влепит вторую двойку. Что делать? Сказать, заболел живот — не поверит.

Вовка на миг задумался.

— Ничего не объясняй, — горячо зашептал он. — Тебя оглушили мячом. Ты — это не ты. Ничего не помнишь. Понял?

А историчка уже раскрыла журнал. Взглянула на меня, как волк на ягнёнка — хищно и ласково.

— Отвечать пойдёт…

Мне почудилось, что она облизнулась.

— …пойдёт Тихонов. Ты подготовился?

Я сидел на месте, даже не шевельнулся.

— Кажется, я к тебе обращаюсь, Тихонов?

С моей стороны ноль внимания. Фина подошла.

— Встань, когда с тобой говорит учитель.

Я встал, мягко переспросил:

— Кто со мной говорит?

— Я говорю.

— А вы кто?

Все замерли, а у Фины отвисла челюсть. В глазах застыл испуг.

— Что с тобой, Тихонов?

— Кто-о? Я не Тихонов.

— А кто же ты? — голос историчка дрогнул.

— Не знаю.

Указка выпала из её рук. Я поднял, подал указку Фине, но при этом слегка пошатнулся.

— Тебе плохо? Ты не падал? Голову не ушибал?

— Нет, — я опять пошатнулся. — Только звон в ушах и кузнечики трещат.

— Фаина Петровна, — заговорил Вовка. — Он мячом по кумполу получил со штрафного удара. Только и всего. Вы не беспокойтесь.

— По какому купмолу? — пролепетала Фина.

— Ну короче — по башке, — охотно пояснил Вовка.

— Тихонов, — посмотрела на меня с сочувствием историчка, — тебе нужно идти домой,

отлежаться. Ты найдёшь свой дом?

— Не знаю.

Учительница обвела глазами класс.

— Кто знает, где живёт Тихонов?

— Я, — встрепенулся Вовка. — Я могу его проводить.

— Молодец, Тросков. Сдай его прямо на руки маме или отцу.

— А если их нет дома?

— Посиди тогда. Дождись.

«Ура!» — закричал Вовка, но, конечно, не вслух, а про себя. Я ощутил это корнями волос, мочками ушей, печёнкой, самым кончиком носа.

— Ты верный товарищ, — похвалила его Фаина Петровна. — Вот, ребята, какими надо быть.

— Да я за него… — Вовка вскочил с места, — …в огонь и в речку. Особенно, когда вода не холодная. Ну ладно, мы пошли.

Медленным, нешироким шагом мы направились к двери. Вовка сопровождал меня, как настоящий санитар — поддерживал за руку. Но едва мы оказались за крыльцом школы, он закричал:

— Айда покупать мороженое!

И мы наперегонки бросились к воротам. Чувствовали себя счастливчиками. Как же правильно провернули нашу придумку!

Не учли мы только одного: обеспокоенная Фина может посмотреть нам вслед из окна. Так она и сделала. И не только увидела наш лихой бросок к воротам, но и услышала про мороженое: окно было открыто. Она тут же всё поняла…

…Тоскливо сидеть дома, если ты здоров, но притворяешься больным. От скуки я полистал

учебники, сделал кое-какие упражнения, прочитал — и с интересом — о Цезаре.

И вот я снова в школе. Гляжу невинными глазами на Фаину Петровну. Историчка прошлась взглядом по нашим лицам, остановилась на мне.

— Иди сюда.

Я встал рядом со столом.

— Как твоя фамилия?

— Тихонов.

— Вот что. Расскажи нам обо всём подробно.

Я переступил с ноги на ногу:

— О чём?

— О Цезаре. А ты про что подумал?

— Тоже про него.

— Вот чудненько. Рассказывай.

И тут я всех огорошил. Я говорил о римском императоре так, будто сам ходил с ним в походы, правил страной и, наконец, попал в лапы заговорщиков, среди которых были его прежние дружки — Брут и Кассий.

Одноклассники аж рты пораскрывали: во, мол, даёт! Когда я закончил, Фина сказала:

— Отлично ответил. Ладно, иди на место. Садись.

Я задержался у стола, хотел увидеть, как она ставит мне пятёрку. Но она не торопилась. И

вдруг спросила с удивлением:

— А почему ты тут стоишь?

— Вы же меня вызвали.

— Кто вызвал? Я?

— Ну да, Фаина Петровна.

— Кого я вызвала?

— Меня.

— А ты кто такой?

Я оторопел. Но всё же выдавил:

— Тихонов… Сергей.

— У нас такого нет, — решительно произнесла историчка.

На лбу моём выступили капли пота.

— Как же?! Смотрите… — я попытался показать ей свою фамилию в журнале.

— Куда ты лезешь пальцем? Говорят тебе, садись на место.

В полной тишине я подошёл к парте, хотел сесть, как вдруг услышал голос Фины.

— Разве это твоё место?

— А чьё же?

— Цезаря.

Грянул смех. Хохотали все. Даже Вовка. Но громче всех смеялась историчка. «Вредина», — мелькнуло у меня в голове. Я сел за парту, сказал Вовке:

— Подвинься, Брут.

Он подвинулся, но продолжал своё «гы, гы, гы...». В голове моей тут что-то дзынькнуло, булькнуло, и я тоже расхохотался, сам не зная — зачем.

Сергей Авдеенко

Костя-Торобоан

Когда Костя с кем-нибудь знакомился, то протягивал руку и говорил: «Нитнатснок». Собеседник, естественно, ничего не мог понять. Мальчик охотно объяснял, что зовут его Константин, а своё имя он произносит наоборот. У него с детства такая привычка: любые слова и предложения может перевернуть. Например, скажут ему слово «землетрясение», через секунду он выдаст — «еинесяртелмез». Самые недоверчивые начнут проверять по бумажке: всё сходится — буква к букве.

В школе и во дворе мальчика звали: «Костя-Торобоан». Он не только не обижался, но даже гордился этим двойным именем. Ещё бы, никто из его знакомых не умеет так разговаривать!

Однажды Костя увидел во дворе незнакомую девочку, свою ровесницу. Подошёл, как обычно, назвался наоборот и неожиданно услышал в ответ: «Яисатсана». В первую минуту он опешил: «Ну и чудеса! Что за Анастасия здесь объявилась?» Затем целую речь произнёс на своём придуманном языке, надеясь, что девчонка не поймёт. Однако Яисатсана в долгу не осталась,

ответила словами наоборот. Вот так Костя узнал, что девочка с родителями переехала сюда из другого города. Но самое удивительное заключалось в том, что учиться она будет в одной школе с Костей и даже в одном с ним классе!

— Овородз! — восхитился он, что на обычном языке означает «Здорово!». — Давай всегда разговаривать наоборот! — предложил девочке. — Можно о чём угодно болтать, никто не поймёт!

— Йавад! — согласилась Настя.

В классе они даже за одну парту сели, чтобы удобнее было переговариваться. Целый месяц упражнялись. Костя так увлёкся, что даже изложение по русскому языку на оборотике написал. Однако учительница не оценила его стараний и двойку поставила.

Настя, когда узнала об этом, пожала плечами и сказала: «Каруд и ун». Костя обиделся на незаслуженное оскорбление, хотел ответить: «Аруд амас!» Но в последний момент сдержался. Дело в том, что Настя ему нравилась. А сказать девочке, своей симпатии, грубые слова, пусть даже наоборот, право, неловко.

Вскоре Костя стал замечать, что Настя не так охотно с ним разговаривает, как прежде, а всё

задумчиво поглядывает на Игоря, который сидит за соседней партой. Стало ему обидно. И что она нашла примечательного в этом Игоре? Ну высокий, плечи широкие, каратэ занимается, но зато ни одного слова наоборот сказать не может. Костя даже специальное испытание ему устроил. Подошёл, спросил: «Шёатсирп етсан к огеч ыт?» На обычном разговорном языке это означало: «Ты чего к Насте пристаёшь?»

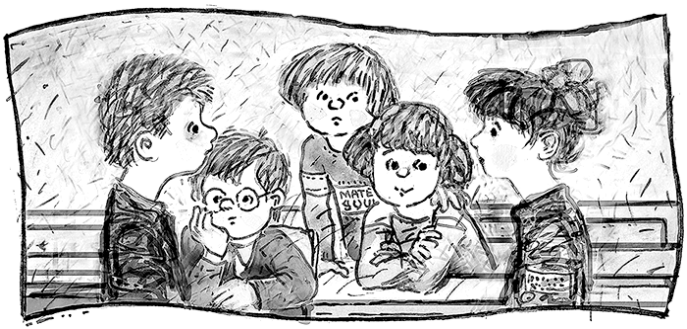
Игорь, конечно, ничего не понял, хотя лоб старательно наморщил. Но затем с угрозой произнёс: «Чё, по шее захотел?»

А ещё через неделю, когда утром Костя вошёл в класс, то увидел, что Настя сидит за одной партой с Игорем.

— Умечоп ун? — он почувствовал, как тугой комок подкатил к горлу, и выбежал из класса.

Прошёл месяц, а может, больше. Костя снова стал разговаривать на обычном языке. Он сам не заметил, как это произошло. Просто больше не хотелось ему говорить наоборот, вот и всё.

Однажды он возвращался из школы домой и увидел, как группа ребят окружила Игоря и Настю. Эти ребята над чем-то громко смеялись, а затем вытолкнули Игоря из круга, и он, втянув голову в широкие плечи, покорно пошёл прочь.



Костя не задумывался, как ему поступить. Наверно, по-другому он просто не смог бы.

— Норт ен! — вырвалось у него. — Не тронь! — громко проговорил он, подбежав к девочке.

— Это ещё что за защитник объявился? — ребята переглянулись и угрожающе двинулись к Косте.

— Только посмейте!.. — крикнула Настя.

* * *

На следующее утро Костя пришёл в класс по-

раньше, чтобы меньше народу видело на его лице огромный лиловый синяк. Он сел за парту и просидел там с опущенной головой до самого звонка. Урок ещё не начался, когда кто-то остановился рядом.

— Здесь можно сесть? — робко спросил девичий голосок.

Мальчик вздрогнул: «Настя!» Всё ещё не веря тому, что случилось, посмотрел на девочку.

— Оньлоб нечо? — сочувственно спросила она.

— Уже не больно, — хриплым голосом ответил Костя.

— Мы больше не будем разговаривать наоборот?

— А ты хочешь? — спросил мальчик.

— Учох, — смущённо улыбнулась Настя.

Приметы

Оля учится в школе во второй смене. Прежде чем уйти на работу, родители будят её.

— Я сейчас, — бормочет девочка. — Одну только минуточку… — и опять погружается в сладостный сон.

Просыпается, когда в доме никого нет. Шлёпает босыми ногами на кухню, находит в шкафу печенье, начинает грызть. Затем усаживается в кресло перед телевизором и смотрит фильм.

Приходит подружка Катя.

— Ты все задачки по математике решила?

— Ой, — спохватывается Оля. — Забыла-а! — и начинает бегать по комнате в поисках тетрадки.

— Сегодня контрольная, — напоминает Катя.

— Что же делать? — совсем приуныла Оля. Домашнее задание она не приготовила, к контрольной работе не подготовилась…

— Есть такая примета, — нерешительно говорит подружка. — Если хочешь, чтобы твоё желание сбылось…

— Хочу, очень хочу!

— Нужно наступить одной ногой на пятачок и переломить пополам карандаш.

— Ур-ра! — обрадовалась Оля. Достала из портфеля несколько монеток, которые ей дала мама, чтобы купить пирожков в школьном буфете. Выбрала среди них пять копеек. Наступила ногой на монетку, затем сломала пополам карандаш и облегчённо вздохнула. Теперь хорошая оценка по математике обеспечена!

На урок Оля пришла весёлой и в то время, когда другие ученики повторяли из учебника правила, загадочно улыбалась. Контрольное задание показалось ей лёгким, она взяла ручку и приготовилась записывать сразу на чистовик. И в этот момент с ужасом поняла, что не знает, как его решить.

Сначала Оля думала, что всё образуется, но время шло, а в голову ничего путного не приходило. Тогда она решила, что нужно повторить заклинание. Вдруг в первый раз что-то не так сделала. Достала из портфеля пять копеек, а вот карандаша там не оказалось. Как известно, она его дома поломала.

«А если вместо карандаша взять ручку?» — пришла в голову спасительная мысль.

— Что случилось? — спросила у Оли учительница.

— Ручка поломалась… нечаянно… — ответила

покрасневшая девочка.

В классе все засмеялись. Многие ученики уже знали об Олиной примете.

— Вот возьми, — протянула учительница свою ручку. — И поторапливайся, скоро прозвенит звонок.

Однако и повторённая примета не помогла Оле. Она сдала тетрадь на проверку с невыполненным заданием.

На следующий день учительница принесла в класс проверенные контрольные работы. Оля раскрыла тетрадь и увидела, что страница, где была контрольная, перечёркнута красными чернилами.

— Плохо, — подтвердила учительница, — очень плохо!

— Кажется, я знаю, в чём дело, — сказала мама, когда девочка со слезами на глазах поведала о своём несчастье. — Приметы ведь тоже разные бывают. Когда я училась в школе, у нас были совсем иные. Если, например, утром постель не застелешь или в доме не уберёшь — жди неудачи!

— Может, мама пошутила? — засомневалась Оля. — Вот возьму и проверю…

На следующий день, как только проснулась,

сразу же кровать застелила, в комнате убрала, села за уроки, а на телевизор даже не взглянула. В этот день в школе Оле на удивление везло. В дневнике одни хорошие оценки. И по математике её учительница похвалила.

Вот теперь и думай: в какие приметы верить?

Хитрые часы

В этом году Алёша стал первоклассником. И всё было бы хорошо, если бы не домашние задания. Сидит час, другой за столом, а в тетради пусто. Смотрит Алёша в окно, а за окном дорогу видно, прохожих, машины. Или уставится в потолок. Кажется, ну что там можно разглядеть? А он видит, как на экране телевизора, лихих всадников на конях, слышит звон сабель. А то вдруг начнёт себя в полированном столе, как в зеркале, рассматривать. Какой у него нос, уши, щёки…

Всё Алёше интересно, кроме своей тетрадки. Однако сколько ни сиди — уроки сами не выучатся. Надоело маме ежедневно напоминать сыну об уроках. Поставила на стол будильник. Показала, за сколько минут нужно сделать упражнение, завела звонок. И вдруг почудилось Алёше, что часы, как живые, хитро подмигнули ему. Мол, ну-ка, поторапливайся, мы шутить не любим. И всё быстрее, быстрее зацокали и чёрными стрелками, как усами, зашевелили. Не успел мальчик опомниться, а будильник уже зазвенел.

Вошла мама, с упрёком покачала головой:

— А соседская Таня давно на улице…

Однажды Алёша зашёл к Тане в гости и увидел на стене большие часы.

«Так вот почему она быстро уроки учит! — подумал мальчик. — Стрелки на больших часах ходят медленнее. Были бы у меня такие часы, я тоже всегда успевал бы!»

— Таня! — не удержался он. — Можно взять твои часы, пока я задание сделаю?

— Эти часы трогать нельзя. Они должны висеть на стене. Хочешь, приходи ко мне. Вместе будем заниматься…

Алёша так и сделал. Взял портфель, пошёл к Тане. Она села по одну сторону стола, он — по другую. Раскрыл тетрадь. Непривычно как-то сразу начинать писать. Так и тянет в окно посмотреть! А Таня пишет, не отвлекается. Может быть, и ему сначала написать, а затем посмотреть.

Выполнил Алёша одно упражнение, принялся за второе, затем за третье. Так незаметно все домашние задания сделал. Посмотрел на часы и глазам своим не поверил, что так быстро управился.

Теперь Алёша каждый день ходил к Тане учить уроки. Как-то пришёл, а часов на стене нет.

— В ремонте часы, — объяснила девочка. — Но ты не огорчайся, у нас другие есть. — И показала

на точно такой же будильник, как у Алёши в доме.

Мальчик испугался, что опять не будет успевать. Пока учил, на будильник не смотрел. И всё же сделал уроки вовремя. И сам удивился.

А может, дело вовсе не в том, большие часы или маленькие?

Ирина Зартайская

Что это?

Родители разглядывали мой дневник.

— Ну и что это такое? — вздохнула мама.

— И как это называется? — нахмурил брови папа.

Всё-таки странные они, эти взрослые.

Каждый раз приходится им заново объяснять:

это — двойка!

Лужа

Леденец во рту таял как-то неохотно. Я прицелился и выплюнул его в лужу неподалёку. Конфета пару раз отскочила от асфальта и плюхнулась в мутную воду. Я развернулся и уже хотел было идти в другую сторону, но меня окликнули.

— Эй! Ты чего это хулиганишь, а?

Я оглянулся. Никого не было.

«Наверное, бабушка какая-нибудь из окна партизанит», — подумал я и решил на всякий случай извиниться:

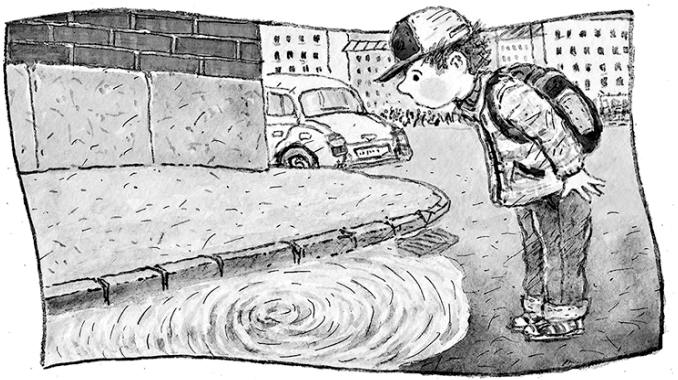
— Простите!

— И нечего тут извиняться! — ответил всё тот же голос, и я понял, что это никакая не бабушка. Голос шёл из той лужи, куда я только что выкинул конфету.

Я пригляделся повнимательнее.

— Простите, — ещё раз повторил я. — Но я впервые разговариваю… с Лужей.

— Еще бы! — усмехнулась Лужа. — Тебе бы всё только в неё плеваться!



Видно было, что Лужа заволновалась и по ней пробежала лёгкая рябь.

— Она же сладкая, даже вкусная, — попробовал оправдаться я и, вспомнив название конфеты, прибавил: — Барбариска…

— Вот то-то и оно! А я апельсиновые люблю, те, что с жидкой начинкой…

— Я завтра могу принести, если хотите, — я поспешно вытащил барбариску и добавил: — Если вы, конечно, не против.

Лужа просияла, так что на мутной воде стали проявляться светлые блики.

— Ну, приноси, чего уже там… — благосклонно отозвалась она и добавила: — Только без фантика!

— Непременно! — пообещал я.

И, уже возвращаясь домой, подумал, не предложить ли ей всё-таки в следующий раз карамельки с лимонным вкусом — для разнообразия.

Николай Красильников

Марфуша

Серёжа хорошо запомнил этот весенний день. Над его родным городом Ташкентом плыли низкие лохматые тучи. Накрапывал дождик. А молоденькие листья смородины с удовольствием подставляли каплям свои зелёные ладошки.

И вдруг дождик прекратился. Сквозь тучи брызнуло огромное оранжевое солнце. И вместе с его лучами на влажные крыши, мостовые и сады пролились непривычные звуки:

— Кур-лы!.. Кур-лы!..

Кто-то из мальчишек закричал:

— Журавли летят!

— Ура! Журавли! — подхватил другой.

Серёжа зачарованно смотрел вверх. В небе, раскачиваясь, как огромные качели, летел журавлиный клин.

— Кур-лы!.. Кур-лы!.. — голоса птиц смешивались с криками мальчишек, с отдалёнными звонками трамваев…

Серёжа сидел возле старого сарая на бревне. Он тоже хотел присоединиться к ребятам, скачущим посреди двора, но тут до его слуха донёсся какой-то странный шум… Будто кто-то молоточ-

ком медленно и глухо постукивал по металлу: бух… бух…

Серёжа встал, прислушался и нерешительно направился к сараю. Осторожно толкнул носком сандалии какую-то ржавую железяку. Постукивание тут же прекратилось.

Неужели… домовичок? Мальчик потянул к себе железку, оказавшуюся старым водосточным желобком и… в глазах его вспыхнул радостный огонёк. Под жестянкой, затаившись, лежала… живая черепашка!

— Черепаха! — радостно закричал Серёжа и высоко над головой поднял свою добычу.

Мальчишки, только что буйно радовавшиеся журавлям, быстро окружили своего приятеля. Со всех сторон раздавалось:

— Ух, ты!..

— Смотри, настоящая!

— Где поймал?..

— Чья она?..

— Наверное, убежала из дома…

— Дай подержать!

Но испуганная черепашка спрятала в панцирь голову и уже не подавала признаков жизни.

— А она живая? — испугался маленький Виталик.

— Живая, живая, — успокоил Серёжа. — Просто кричите вы очень…

Тем временем самые нетерпеливые совали черепашке одуванчик, кустик крапивы, листок подорожника. Но хозяйка «кожаной куртки» по-прежнему не высовывалась.

— Да подождите вы! — прикрикнул Серёжа. — Пусть немного привыкнет.

— Черепашка, черепашка, покажи свою мордашку! — попросил Виталик.

Ребята засмеялись, но гостья почему-то не высунулась.

— А можно я её поглажу? — не унимался Виталик.

— Гладь, — разрешил Серёжа. — Только осторожно.

Малыш провёл пару раз ладошкой по гладкому панцирю, и — о чудо! — черепашка осторожно выглянула из панциря. Кто это, мол, такой вежливый здесь объявился?

Мальчишки от удивления дружно раскрыли рты. Вот так да! Ни одуванчик, ни крапива, ни подорожник не помогли. А ласка подействовала. Ай да Виталик!

И тут все увидели, какая черепашка симпатяга: треугольная мордочка так и лоснится, глазки

поблёскивают.

Малыш преданно посмотрел на Серёжу и вдруг тихо попросил:

— Серёжа, подари мне черепашку. А я тебе дам плитку шоколада…

Ребята притихли, а Серёжа, всё ещё державший в руке черепашку, покачал головой:

— Нет, пусть черепаха будет общей. И твоя, и моя, и Вовкина, и Валерика, и Катина… Ведь я её нашёл возле сарая. Пусть здесь и живёт… А шоколадку убери, пригодится. Правильно?

— Правильно! — вздохнул Виталик.

— Правильно! Правильно! — наперебой закричали ребята.

— Тогда я и шоколад поделю между всеми, — сказал Виталик. — Ладно?

И снова все дружно подхватили:

— Правильно! И черепашке оставь кусочек!

…Черепашка оказалась ручной, послушной и очень красивой. Панцирь её был в крупную клетку и напоминал новый клетчатый фартук дворничихи тёти Марфы. Поэтому выдумывать кличку долго не пришлось — мальчишки тут же прилепили своей «воспитаннице» вполне подходящее имечко: Марфуша.

Черепашка быстро освоилась во дворе, при-

выкла к ребятам и с готовностью отзывалась на свою кличку.

Стоило только крикнуть «Марфуша» и присесть на корточки, как она высовывала из костяного фартука головку и застывала в ожидании. Ждать приходилось недолго — тут же появлялись капустные листья, мелко нарезанные яблоки, морковь, свёкла… Больше всех старался сладкоежка Виталик. Он то и дело подсовывал Марфуше что-нибудь вкусное. Конфеты, печенье, вафли…

— Ты что! — всякий раз одёргивал его Серёжа. — Черепахе сладкое нельзя. Она ведь питалась травой и привыкла к зелени. К тому же Марфуша — это тебе не Катя.

И Виталикова сестрёнка Катя, стоявшая рядом, сочувственно глядела на «бедную Марфушу».

Так и ухаживали ребята за черепашкой по очереди — Серёжа, Виталик, Вова, Валерик и Катя. Днём Марфуша запросто гуляла по двору, возле забора. Щипала там травку — подорожники, пастушью сумку… Никто её не обижал — ни собаки, ни кошки. Даже озорники из соседних дворов не пытались украсть черепашку. Все знали, что за нею ухаживают крепкие ребята. А на ночь Марфушу запирали в сарай.

…С наступлением тепла ребята поразъехались

на каникулы. Кто куда: в лагерь, на море… В общем, пришёл день, когда во дворе остался один Виталик. Ему и поручили ухаживать за Марфушей. Виталик, впрочем, был очень доволен.

Но когда Серёжа вернулся из деревни, он застал Виталика в полном одиночестве.

— Черепашка пропала, — всхлипывал Марфушин кормилец. — Позавчера вечером я её запер в сарай, а утром пришёл — нет Марфуши. Весь двор обыскал — нету!

Серёжа и Виталик ещё раз облазили глухие уголки двора, даже спускались с фонариком в подвал дома — Марфуши нигде не было. Словно сквозь землю провалилась.

…Осень прошла со школьными звонками и мокрыми листьями, зима — с новогодней ёлкой и пушистыми снежинками. И вот над землёй снова заулыбалось весеннее солнце. И снова в небе заколыхались «качели» журавлиного клина.

— Кур-лы!.. Кур-лы!.. Кур-лы!..

И мальчишки от радости снова подбрасывали над головой свои шапчонки.

Серёжа, как и в прошлом году, сидел на бревне возле сарая. И ему опять было весело. От солнца, от прилетевших журавлей. И тут снова, как когда-то давным-давно, услышал глухой скрежет. И

удары: бух… бух… Теперь они доносились из-под нижнего бревна сарая. Будто кто-то тужился, хотел приподнять стену.

Марфуша?! Серёжа затаил дыхание. И тут кто-то невидимый стал выталкивать вперёд из-под бревна комки глины. А через минуту на свет показалась черепаха. Она замерла, будто зажмурилась от солнца. А когда привыкла к свету и встретилась взглядом с Серёжей, вдруг быстро-быстро заскребла передними лапами. И — пошла, поползла навстречу мальчику.

— Ребята!.. Марфуша!.. Марфуша нашлась!

Когда мальчишки подбежали к сараю, они увидели и вовсе удивительную картину. Вслед за их неожиданно объявившейся Марфушей стали выползать… черепашата. Один, второй, третий, четвёртый… Крохотные, со спичечный коробок.

— Ура! — закричали дружно ребята и захлопали в ладоши.

Теперь у каждого из них была своя черепашка. У Серёжи, у Вовы, у Валерика и Кати. А сама Марфуша осталась жить у подросшего за год, повзрослевшего Виталика. Ведь он больше всех ухаживал за Марфушей и переживал за неё…

Ольга Насонова

Обратный счёт

Бабушка Роберта, Ирина Сергеевна, — заядлая театралка. Она в местном драмтеатре ни один спектакль не пропускает. У неё даже торт любимый «Секрет актрисы» называется. Она его каждую пятницу печёт. Роберту этот торт тоже очень нравится, и когда бабушка его готовит, он к ней всё время в гости торопится, чтобы на первый кусочек успеть, с вишенкой. Поэтому с ним такая история приключилась.

Пошли как-то в пятницу мама с Робертом в соседнюю гимназию на собеседование, чтобы в первый класс туда поступить, на будущий год.

Мама всю дорогу до самой гимназии переживала и волновалась, Роберту советы разные давала, как себя вести и что говорить. Поэтому, когда они к гимназии подошли, Роберту туда заходить страшно не захотелось. Лучше уж сразу к бабушке, чай пить и коллекцию театральных афиш разглядывать!

Вошли они с мамой в гимназию, а там целая толпа собралась, полный коридор, первоклассники будущие, папы, мамы и даже чей-то дедушка.

Мама Роберта толпу оглядела, вздохнула огор-

чённо и сама вдруг стала с ним собеседование проводить, так, для тренировки, чтобы нервы успокоить.

— Ответь мне, — говорит, — сколько здесь, в коридоре, ребят собралось. Только не считай, на глаз определи.

Роберт тоже вздохнул, подумал немного и сказал:

— Восемь.

И только на одного человека ошибся.

— Молодец! — сказал чей-то дедушка.

— Угу, — продолжала мама, — а как ты торт на пять частей разделишь?

— Торт? — переспросил Роберт, а чей-то дедушка заинтересованно кивнул. — Представлю себе часы, 60 минут разделю на 5 — получится 12. Значит, один кусочек будет как 12 минут на часах.

И так ему этого торта захотелось, что даже в животе заурчало.

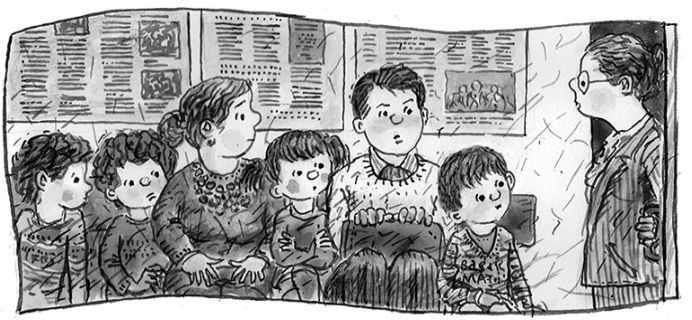
— Правильно, — сказала мама, а чей-то дедушка ещё раз кивнул и большой палец показал, — а как ты…

И не закончила, потому что в коридор тётенька в очках вышла и громко сказала:

— Роберт Краснов здесь?

— Да, — ответила мама, и голос её от волнения

дрогнул.



— Заходите, — сказала тётенька.

За дверью был класс с ученическими партами. «Три ряда по четыре парты в каждом и ещё по восемь стульев в придачу», — продолжал считать Роберт. Не смог остановиться.

Перед партами стол стоял, за ним вторая тётенька сидела, в белой кофточке, с бусами. Она на маму с Робертом строго так посмотрела и сказала:

— Мама пусть в конце класса сядет и молчит, а

ты, Роберт, иди сюда, знакомиться будем.

Роберту как-то сразу не очень уютно стало. Он на краешек стула сел и на бусы тётенькины уставился. Бусин в них штук двадцать, наверное, было, во всяком случае, больше десяти.

— Скажи мне, Роберт, — спросила тётенька и листок с какой-то табличкой перед собой положила, — ты в школу пойти хочешь или тебе пока в детском саду хорошо?

Роберт честно признался:

— Я к бабушке хочу, — и даже вздохнул немного.

Тётенька что-то в табличке отметила.

— Понятно, а в какой ты школе учиться бы хотел, где оценки ставят или где конфеты и пирожные раздают?

Роберт оживился:

— Где торты раздают, — сказал он и бабушкин «Секрет актрисы» представил, с кремом и вишенкой из компота.

— Посчитай мне до десяти, — не унималась тётенька.

Роберт опять бабушкин тортик представил и мысленно его на десять кусочков порезал: один, с вишенкой, два, три… десять.

— А в обратную сторону можешь? — послышал-

ся надоедливый голос.

«Конечно, могу, это же так просто!» — подумал с досадой Роберт.

— Десять, девять… один, с вишенкой, — считал он всё те же кусочки.

— А до ста можешь?

И тут Роберт решил: «Хватит!» и твёрдо сказал:

— Нет!

Тётенька снова что-то в табличке черкнула и сказала строго, обращаясь к маме:

— Думаю, продолжать смысла нет, вы сами видите, что ребёнок у вас к школе ещё не готов! Я свои рекомендации позже напишу, вы сможете взять их у секретаря.

И следующего позвала.

Когда Роберт с мамой из гимназии вышли, мама сказала:

— Собеседование, конечно, непонятное какое-то. Но скажи мне, сынок, почему ты до ста не посчитал? Ты же умеешь!

— Ты что, мама, — ответил ей Роберт, — представляешь, когда бы мы к бабушке на тортик попали, если бы тётенька меня от ста в обратную сторону считать попросила!

Вот так! И, кстати, сразу скажу, чтобы вы за Роберта не переживали и не расстраивались. На

будущий год он в лицей поступил с математическим уклоном, учится там на пятёрки, а соседка его по парте Маша Синицына, внучка того самого дедушки, из гимназии. Они теперь все вместе большие друзья.

Инна Гамазкова

Подарок

Однажды Бобик сидел и думал, что скоро праздник Новый год, когда весело и всем дарят подарки.

— И я хочу подарок, — так он решил и поехал на Птичий рынок.

А там кого только нет! Рыбки плавниками сверкают, птички крыльями машут, черепахи из панцирей выглядывают! А сколько людей на этом Птичьем рынке, и больших, и поменьше, и мальчиков, и девочек!

Понравился Бобику один, небольшой такой, но уже довольно ушастый. Рыженький такой, и впереди одного зуба не хватает, но это ничего, там другой скоро вырастет.

— Знаешь что, — говорит Бобик, — давай ты будешь моим новогодним подарком?

— Ладно, а ты — моим! — отвечает рыженький.

Обрадовался Бобик. Хвостом завилял! И мальчик тоже обрадовался, только они, когда радуются, ничем не виляют, а просто улыбаются.

Пришли домой к рыженькому. Бобик и говорит:

— Надо тебе имя дать. Меня вот Бобиком зовут, а тебя мы назовём… Назовём…

— Назови меня Олежка Корнеев!

Так и решили.

Удивительно умный Олежка Бобику попался! Буквы знает, слова складывает и даже считать умеет.

Но и Бобик у Олежки — хоть куда, все команды выучил и палку приносит!

Такая у них дружба получилась, любая собака позавидует!

Ведь если дружба, то не просто так бегаешь, а друга догоняешь!

А потом — он за тобой, и опять ты за ним, и кричишь, и смеёшься, и прыгаешь. И лаешь, и вообще — здорово!

Людмила Уланова

Про неправильный Новый год

Комната выглядела так, как будто мы собрались переезжать. Причём переезжать в какое-то удивительное место, где вместо тарелок и чашек понадобятся блестящие шары, вместо занавесок — мишура, а вместо люстры — гирлянда из разноцветных шишек с лампочками внутри. На самом деле переезжать мы, конечно, никуда не собирались. Просто папа уже вытащил коробки с новогодними украшениями, но вешать их мы ещё не начали.

Мне пока что было некогда. Я лепила снеговика. Настроение было отличное, пластилин тоже, поэтому и снеговик получался отличный. Я даже надела ему ведро на голову и дала метлу в руку — всё это тоже из пластилина. И нос морковный вылепила. Так снеговики выглядят в книжках, особенно в старых. Хотя на самом деле я никогда не видела снеговиков с вёдрами, мётлами и морковками. Наверное, теперь у них другая мода.

Я закончила лепить, поставила своё творение на стол, полюбовалась и радостно сказала:

— Очень классный снеговик!

— Очень бестолковая девочка! — услышала

я в ответ. — Ну что ты на меня так смотришь? Конечно, бестолковая! Какой же я снеговик? Ты, может, снега никогда не видела?

— Видела…

— Так снеговики как раз из снега и бывают! А ты и не знала? Точно, бестолковая.

— Да знаю я! Знаю!

— Ну а я разве из снега? Я из пластилина. Значит, никакой я не снеговик, а пластилиновик. Эх, учиться тебе ещё и учиться!

Мне совсем не понравилось, что какой-то снеговик — ой, то есть пластилиновик, тьфу, не выговоришь! — пытается меня воспитывать да ещё и бестолковой обзывает.

— Ну и пожалуйста! — сказала я. — Ну и стой тут! А я лучше игрушки для ёлки достану.

И я открыла ближайшую коробку.

— Игрушки! — раздался оттуда возмущённый голос. — Вы слышали, что она сказала? Игрушки! Какие же мы игрушки? — это говорил турок в сверкающей чалме и красных шароварах. Я поняла, что здесь лежат старинные ёлочные украшения, ещё прабабушкины. — Что, по-твоему, делают с игрушками? Игрушками играют! А нами разве можно играть? Мы хрупкие! Мы для красоты, а не для глупых детских игр!

— Ах, как можно было вообще такое предположить? Неужели эта жестокая девчонка хочет, чтобы сломались мои тонкие стройные ножки? — заверещала балерина в серебряной юбке.

— Да как вас называть?

— Мы ёлочные украшения. А ты небось и не слышала о таких? — проскрипел маленький круглый повар в большом белом колпаке.

— Слышала, слышала, — мне надоело разговаривать с этой сварливой публикой. — Ну и

лежите тут в своей коробке. Это вы, наверное, от старости такими вредными стали. А я лучше Деда Мороза под ёлку поставлю. Он новенький, красивый!

— Это кто Дед Мороз? Я Дед Мороз? Девочка, да ты, наверное, двоечница!

— Никакая я не двоечница! Я вообще ещё в школе не учусь!

— Значит, будешь двоечницей. Такая большая, а не отличаешь Деда Мороза от Санта-Клауса. Видишь, на мне куртка с ремнём, штаны красные, сапоги и колпак. И очки на носу! А у Деда Мороза шапка, тулуп и валенки. Ты, пожалуй, даже подарков не заслуживаешь.

— Ну и ладно! — мне уже хотелось заплакать от обиды. — Подумаешь! Некогда мне тут с тобой болтать! Мне снежинки из бумаги вырезать надо!

— Да вырезай, вырезай, кто ж тебе мешает, — ухмыльнулся Санта. — Только имей в виду, что получатся у тебя не снежинки, а бумажинки. Правда, Пластмассурочка? — обернулся он к пластмассовой снегурочке, и та с готовностью закивала. — Так что в снежинках ты тоже не разбираешься, и вообще ты будущая двоеч…

Тут я нашла способ заставить ехидного деда

замолчать. Я нажала на кнопку, расположенную у него на подставке, и Санта-Клаусу пришлось прервать речь на полуслове и запеть рождественскую песню.

Я подошла к ёлке. Она стояла ещё не наряженная, но такая красивая! И хвойный запах тоже был красивый — и совсем не зимний, а тёплый и спокойный.

— Ёлочка, ну чего они все? — пожаловалась я. — Всё им не так! Всё неправильно! Так и Новый год неправильным будет.

Ёлка обняла меня двумя ветками — осторожно, чтобы не уколоть. А ещё одной веткой погладила по голове.

— Чепуха, не обращай внимания. И праздник будет правильным, и весь год хорошим. И подарки тебе подарят чудесные. И двоечницей ты никогда не будешь. Только знаешь… — она снова погладила меня веткой и прошелестела: — Я не ёлка. Я пихта.

Ольга Кульневская

Сердитая буква

Как долго тянулась зима! Ну вот на календаре и март.

…Алёнкина мама смотрит за окно на высокие и словно чисто-чисто вымытые небеса и говорит сама себе:

— Пришёл наконец-то протальник-капельник… — и хорошо так улыбается. Такой мамина улыбка бывает, когда Алёнка чем-нибудь её порадует.

Мама поворачивается и спрашивает весело:

— Дочка, хочешь карамельку? А может, грушу?

Но хитрая Алёнка понимает, почему мама это спрашивает, и отвечает ей в тон:

— Яблоко хочу!

Дело в том, что Алёнка, хоть и ходит уже в детский сад, но почему-то не выговаривает букву «р». Ну, никак не получается у неё эта сердитая буква.

В том, что буква эта сердитая, Алёнка ничуть не сомневается. «Р-р-р!» — так рычит злая собака. «Р-р-р!» — так грохочет большой и страшный грузовик. Даже гром во время летней грозы оглушительно громко выговаривает эту ужасную

букву…

Ничего весёлого в ней нет — не нравится она Алёнке…

— Хорошо, съешь яблоко и пойди погуляй. Вон какое солнышко на улице! Весна…

…Солнце на улице и в самом деле было ого-го какое! Алёнка даже зажмурилась сначала и потом долго привыкала к его ослепительному сиянию. Сиял пока ещё белый снег, сияли лужицы у крыльца, куда с брызгами падали сверху сосульки слёзки. И сами сосульки сияли в солнечных лучах, как бриллианты. И весь воздух, казалось, был наполнен светом!

Алёнка глубоко вздохнула от непонятной радости, вдруг охватившей её. И от вздоха радость эта стала ещё сильнее, потому что воздух был таким свежим, таким волшебно вкусным, что Алёнка чуть не задохнулась. Она восторженно смотрела на сияющий весенний мир и неожиданно почувствовала, что растворяется в нём. Это просторное синее небо — она, Алёнка! Это солнечное золото — тоже она, Алёнка! Она — этот весенний запах, это звонкое воробьиное чириканье, эти радужные брызги капели и яркие блики-звёзды в лужицах у крыльца!..

Девочка сделала несколько шагов по влажному

снегу и вдруг увидела совсем близко, на заборе, большущую ворону. Та внимательно следила за Алёнкой, вытянув шею и поблёскивая бусинками глаз.

— Ты чего? — рассмеялась Алёнка. — Что-то хочешь мне сказать?

И ворона очень громко и раскатисто ответила:

— Кар-р-р!

Потом тяжело взмахнула чёрными крыльями, перелетела подальше — на толстый сук старого тополя возле дома и снова гортанно и зычно

изрекла, обращаясь к Алёнке:

— Кар-р-р!

И так у неё это вышло весело, так гулко откликнулось в пронизанной солнцем кроне тополя и хрустяще, словно куски сахара по столу, рассыпалось по соседним сугробам, что Алёнкин смеющийся рот сам по себе вдруг приоткрылся, а язык самостоятельно и чётко произнёс:

— Кар-р-р!

Ворона взъерошилась, похлопала крыльями и снялась со своего места. Алёнка, улыбаясь смотрела, как она улетает куда-то за соседний дом, как скрылась из виду, и уже оттуда, из-за дома, послышалось воронье карканье.

…Дома, едва скинув пальто, Алёнка побежала к маме на кухню:

— Мама, я… р-р…разговаривала с вор-роной! Вот так: кар-р-р! И я хочу гр-рушу! И кар-рамельку!

Весь вечер Алёнка искала дома слова с буквой «р» и старательно их выговаривала: р-роза, сахар-р, кр-ресло, кр-ровать, кар-ртина, ковёр-р, кр-ружка, кастр-рюля, кр-рышка, пр-ряник, р-радость…

А буква-то, оказывается, вовсе не сердитая. Зря Алёнка так про неё думала.

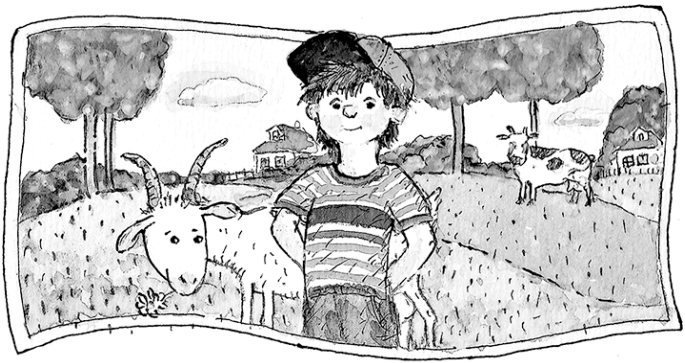
Леонид Медведев

Сидорова коза

На большой переменке Вовка Сидоров показывал свои фотки летние. Был он на каникулах в деревне у дедушки с бабушкой. Обступили ребята Вовку, и он рассказывает, рассказывает: «Вот я в лесу, это на речке, а тут верхом на лошади…»

«А здесь что?» — спрашиваю я, показывая на фотку, где сзади Вовки стоит коза. Беленькая, симпатичная, с рожками.

«Да это же Вовка Сидоров и Сидорова коза. Неужели непонятно?» — воскликнул кто-то из ребят.



Теперь в нашем классе все знают, откуда взялась «сидорова коза». Одна Ленка Петрова не соглашается, всё спорит, доказывает, рассказывает историю происхождения такого выражения и к чему оно применимо.

Да кто её слушает!

Школьные загадки

А Вовка Сидоров из нашего класса ну и тугодум! Загадки тут мне попались интересные про школьные дела, а отгадки должны быть в рифму. Я, конечно, всё отгадал сразу, а потом Вовку решил проверить на сообразительность.

— Вот, — говорю, — отгадай в рифму загадку: «Меж двумя звонками срок называется…»

А он мне мгновенно:

— Перемена!

— Ну, правильно, «перемена» подходит, но отгадка в рифму должна быть, — это я Вовку просвещаю.

— Ага, — он отвечает, — сам сказал, что правильно, а потом начинаешь…

— Ладно уж, давай я тебе другую загадку загадаю, только ты подумай, прежде чем ответ скажешь, — и продолжаю: — «Физкультурник нам сказал: — Всем зайти в спортивный…»

— Магазин, — выкрикивает Вовка.

— Какой магазин? Зачем? Где ты его увидел? — это я ему.

— Как зачем? Кроссовки новые купить надо, а то у моих подошва уже отстаёт на левой ноге, —

заявляет он. — А магазин «Спорттовары» прям напротив школы. Ты тоже его сто раз видел.

Ну что ему здесь докажешь?

— А вот эту загадку ты сможешь отгадать в рифму? — читаю я дальше: — «Школы — не простые здания, в школах получают…»

— По голове, — тут же выдаёт Вовка. — Вот вчера я у Ленки Петровой почти что и не трогал бант, а она меня книжкой по голове бац-бац.

Тогда я ему ещё одну загадку задаю:

— «А сегодня я опять получил оценку…»

— Тройку, — кричит он, — тройку я опять получил по математике.

Ну Вовка и тугодум! Ну тугодум!

Хотя… Смотрю я, рожица у него хитрая-прехитрая. Может, это он меня разыграл? Сегодня же 1 апреля!

Рустам Карапетьян

Самый-самый

— А я вот как могу, — сказал Вовка и встал на голову.

— Подумаешь, — хмыкнул я и залез на самое высокое дерево.

— Это ещё что! — заорал Вовка и перепрыгнул через огромную лужу.

— Ха-ха-ха! — расхохотался я и, стоя на ногах, съехал с горки.

— А так можешь? — разозлился Вовка и прошёлся по забору.

— Я ещё и не так могу! — ответил я и сделал колесо.

Мы целый день прыгали, скакали, ползали, кувыркались…

А Машка в нашу сторону так ни разу и не посмотрела!

Леонид Яхнин

Храбрец

Один мальчик говорит другому:

— Я всё могу! Ничего не боюсь! Если будет шторм, лодка перевернётся, ни капельки не испугаюсь!

Он немного подумал и продолжал:

— Если нападёт на меня акула, я её разом одолею.

И ещё немного подумал и добавил:

— Если потерпит крушение корабль, я всех спасу один!

И ещё немного подумал, а потом как затараторит:

— Если прорвёт плотину, я возьму огромный камень и заткну пробоину. Если понадобится, до дна океана донырну и подниму древний клад. Если…

Он говорил и говорил.

Силачи

Встретились два приятеля. Один другому и говорит:

— Я такой сильный, что одной рукой грузовик подниму.

А другой ему:

— Да я дом могу поднять!

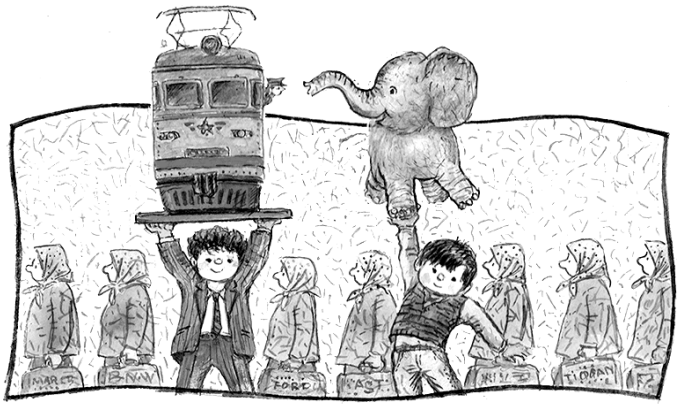
Первый мальчик не растерялся и говорит:

— Да я могу электровоз поднять! Правда, двумя руками.

— Ну, если двумя, — засмеялся второй, — так я целый поезд в сто вагонов подниму!

— А я слона подниму да ещё десять раз подкину выше крыши! — не сдавался первый.

— Что слон! — махнул рукой второй мальчик. — Я гору подниму одной левой!



Вот такие силачи. Да только проверить трудно. Шла рядом с ними старушка с тяжёлой сумкой. Но разве это тяжесть для наших силачей? Они и смотреть-то на неё не стали.

Ирина Горюнова

Чебудушка

Однажды я решил подшутить над моей младшей сестрёнкой Машкой и рассказал ей, что есть на свете такие странные цветы — чебудушки, которые питаются только сосисками. Когда проходишь мимо такого цветка, он тянет к тебе свои листочки и протяжно кричит: «Дай сосиску!» Машка мне поверила и спросила, где они водятся. Я сказал, что очень далеко за океаном, но один цветок есть и у нас — в Ботаническом саду. Тогда Машка стала приставать ко мне, чтобы мы взяли сосиски и сходили к Чебудушке — покормить его. Я долго отнекивался, но потом, внутренне давясь от хохота, согласился. В воскресенье мы пошли с ней в Ботанический сад.

Машка долго бегала по дорожкам сада, кричала: «Чебудушка!» и тыкала сосиской в каждый цветок в надежде, что тот её съест. Я страшно веселился и смеялся так, что у меня заболел живот. Потом мне это надоело. Я уже было хотел признаться Машке, что пошутил и что никакого Чебудушки нет, но тут появился смотритель и строго спросил нас, в чём дело. Машка объяснила ему, что мы ищем Чебудушку. Выслушав её,

смотритель кивнул и, взяв мою сестрёнку за руку, повёл нас куда-то. Тут ему навстречу выбежала собака и радостно бросилась нам под ноги.

— Вот, — сказал тот, — это и есть Чебудушка. Он подумал, что ему очень скучно быть цветком и превратился в собаку. Бегать же гораздо интереснее, чем стоять на одном месте. Так что можешь отдать ему свои сосиски, он их с удовольствием съест. Смотритель посмотрел на меня и хитро

подмигнул.

Сосиски Чебудушке понравились, и с тех пор мы иногда ходим в Ботанический сад кормить Чебудушку.

Марат Валеев

Червячок Петя

Однажды я вывез внука на рыбалку. Приехали мы на моё любимое озерко. Пока я машину в тенёчек ставил, внучек на берегу играл, что-то выкапывал, закапывал.

Я закончил все приготовления, удочки размотал и говорю внуку:

— Игорёша, неси-ка мне ту банку, которая с червячками.

— Щас, деда! — говорит. И бегом ко мне.

Я заглянул в банку, а там червей всего штук с пяток осталось.

— Где остальные? — спрашиваю.

— Ушли гулять, — отвечает.

Вот чертёнок! Это же он с моей наживкой играл!

«Ай, — думаю, — ладно! Можно и на пяток червей неплохо порыбачить».

— Ну-ка, — прошу, — дай мне одного из них.

Игорёшка выудил из банки самого жирного червя.

— Вот, — говорит, — деда, познакомься, это Петя.

Я удочку уронил.

— Какой ещё Петя?

— Да вот же, — суёт мне в руку извивающегося червя. — Скажи ему: «Здравствуй, Петя!»

— Здравствуй, Петя! — машинально повторил я. Взял червяка. И не знаю, что с ним делать. Был бы просто червяк — всё понятно. А тут — Петя…

— Что будешь с ним делать? — спрашивает внучек.

— На крючок насажу и в воду закину.

— Петю? На крючок?! — вытаращил глаза Игорёшка. — Ему же больно будет! — и вдруг выхватил у меня из рук червяка. — Не дам я тебе Петю крючком колоть!

Игорёшка неумело размахнулся и кинул червяка подальше в траву.

Петя, не будь дураком, немедля уполз.

— Дай мне какого-нибудь другого червяка, — попросил я. — Того, с кем ты ещё не успел познакомиться.

Но внучек уже выпускал из банки оставшихся червяков.

— Деда, — сказал он. — Я их тоже знаю. Их зовут Гриша, Коля, Паша и… Маша.

Ирина Антонова

Иванова, Петров, Сидорова

Петров был двоечник и любил Сидорову. А Иванову — отличницу и соседку Сидоровой по парте — терпеть не мог. Причём эти любовь и ненависть зародились в его сердце одновременно.

Раньше жизнь Петрова текла беззаботно. Он мирно сидел за партой, разглядывал в окно ворон, а при словах учителя «к доске пойдёт...» резво нырял под парту.

Однажды его умудрились всё же вызвать к доске. Петров, по обыкновению, начал было что-то мямлить. Но вдруг, обводя глазами класс в поисках подсказки, поймал на себе нежный взгляд Сидоровой и... онемел.

А Сидорова открыла учебник и стала шёпотом подсказывать. Иванова дёрнула соседку за рукав и укоризненно покачала головой.

Сидорова покраснела и замолчала, потупив нежный взгляд.

Ну а Петров так и простоял у доски до конца урока — онемевший и растерянный. Зато на перемену выбежал разъярённым: простить уплывшую подсказку он мог, а вот потухший нежный взгляд — никогда!

И с той поры он гонялся по школе за Ивановой. А когда настигал, то со всего маха опускал портфель на учёную отличницыну голову.

— У, дурак! — раздавался в ответ плаксивый голос.

Как-то раз Петров загнал отличницу в угол. Поднятый портфель готов был обрушиться на неё…

— Влюбился — так и скажи! — выпалила вдруг Иванова. — А рукам волю не давай!

Петров от неожиданности застыл, соображая, как могла Иванова догадаться о его тайных чувствах к Сидоровой? Он же Сидорову тихо обожал. Не толкал, не дразнил, не отнимал тетради с домашним заданием. Вообще не разговаривал — боялся обидеть.

— В кого? — опомнился наконец Петров. — В кого влюбился?

— В меня! В кого же ещё?! Знаем, знаем! Кого любят — за тем и бегают! — и отличница гордо прошествовала мимо. Конечно, ей было приятно, что в неё влюблены. И не важно, что это всего-навсего заурядный двоечник.

Только теперь Петров заметил, что класс шушукается и переглядывается: наблюдает за ним и за Ивановой, за развитием их отношений.

Отличница бросала вокруг победные взгляды.

А Сидорова тихо страдала.

Петров соображал туго — дня три, наверное. И вот...

— Си-до-ро-ва-а-а! — эхом разнеслось по коридору. — Эй!

Сидорова обернулась — к ней со всех ног летел Петров. Во вскинутой руке — портфель!

Улыбка осветила лицо Сидоровой. Она сорвалась с места и бросилась наутёк...

Но Петров догнал и со всей силой своей любви

приложил портфель к спине возлюбленной.

— У, дурак! — выдохнула счастливая Сидорова.

Вредная

Вася влюбился в Таню. И нахватал по математике двоек. Причём сделал это сознательно. Он как рассудил: Таня лучше всех в математике разбирается, а раз так, то он смело может обратиться к ней за помощью. Таня придёт к нему домой, вот тут-то он и расскажет ей о своей великой любви.

Однажды после уроков Вася попросил Таню:

— Помоги мне с математикой, а то меня на второй год оставят.

И так печально на неё глянул, что Таня согласилась:

— Ладно, я к тебе в три приду.

И пошла домой обедать.

Вася ликовал.

Он пулей влетел в квартиру и… растерянно замер. За его письменным столом, размазывая краски по листу картона, сидела младшая сестрёнка Катя.

— Ты почему не в саду? — накинулся на неё Вася.

— У нас карантин, а мама на работе, — радостно сообщила Катя.

Вася схватился за голову и зашагал по комнате.

Вот те на! Хотел Тане в любви признаться, но разве при Катьке это сделаешь? Даже если запереть её в ванной, всё равно подслушает и маме наябедничает.

Вдруг Васю осенило.

— Собирайся! — потребовал он.

Петя отворил дверь.

— Выручай! — с порога взмолился Вася. — Пусть Катька у тебя побудет. Немного. Всего час!

— Это ещё зачем? — удивился друг.

— Матери дома нет, а ко мне Таня должна прийти. Математикой заниматься будем.

— Ну и что? — не понял Петя. — Что Катька вам помешает?

— Ещё как! Знаешь, какая она вредная! — и Вася дёрнул Катю за рукав: — Скажи!

Катя скосила глаза за спину брата. Там её подкарауливал увесистый Васин кулак. Она вздохнула и подтвердила:

— Вредная.

А Вася уже кубарем катился с лестницы, крича на бегу:

— Слышь, я недолго… честное слово!..

Петя впустил Катю в квартиру и тут же спохватился:

— Тьфу ты! Совсем забыл. Я же договорился с

Мишей встретиться.

Он взял девочку за руку и вывел на лестничную площадку. Но Васи уже и след простыл.

— Что же мне с тобой делать? — задумался Петя. — Взять с собой не могу — мешать будешь.

И тут взгляд его упёрся в дверь соседней квартиры. Петя обрадовался. Там, за этой дверью, живёт добрая девочка Люда. Она непременно выручит!

— Привет! — сказал Петя, когда на пороге показалась Люда.

— Уже здоровались! Чего надо?

— Вот эту девочку не с кем оставить, — заробел Петя. — Не могла бы она у тебя немного побыть?

— А где её родители? — Люда подозрительно разглядывала Катю.

— Понимаешь, у неё старший брат… А к нему сейчас должна прийти девчонка… заниматься. А она им мешать будет! — заторопился объяснить Петя.

Люда склонила голову набок и прищурилась. «Была охота с малышнёй возиться!» — подумала она, а вслух сказала:

— Нет, не могу. Мне в аптеку надо.

— Вот и отлично! Вместе сходите, — Петя подтолкнул Катю вперёд и побежал вниз.

— Эй! — крикнула Люда, но было поздно.

Дверь подъезда с грохотом захлопнулась. Люда с сомнением посмотрела на Катю и предложила: — Может, гулять пойдём?!

— Пойдём, — и Катя достала из кармашка мел. — Я рисовать буду.

Сначала на асфальте появился дом, затем цветы выше крыши, а ещё погодя — нечто непонятное с собачьим хвостом. Люда, скучая, смотрела, как ловко управляется Катя с мелом. И тут её окликнули:

— Привет, Вихрова!

— Привет! — обрадовалась Люда и улыбнулась подошедшему Вадику.

— Хочешь видик посмотреть? Мне новый фильм принесли. Потрясный! — предложил он.

— Спрашиваешь! Конечно, хочу!

— Тогда пошли.

— Пошли, — согласилась Люда, но тут же спохватилась: — Только я не одна, — и указала на Катю. — Её оставить не с кем.

— Ну извини, Вихрова! У меня дома не детский сад, — и Вадик повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! — Люда беспомощно огляделась по сторонам.

По двору, радуясь весеннему теплу и солнцу, шла Таня.

— Выручай! — подскочила к ней Люда. — У нас с Вадькой срочное дело. А тут эта! — и кивнула в сторону Кати.

— Сестра? — спросила Таня.

— Какая там сестра! Подкидыш! У неё родителей нет. Только старший брат. А к нему сейчас девица должна прийти. Невеста, что ли… свататься… А она, вредная, — и Люда сердито указала на Катю, — будет им мешать. Вот меня и попросили её покараулить, а тут Вадик… срочное дело… Через час я её заберу. Честное слово! — и Люда побежала догонять Вадика.

Таня присела на корточки возле Кати.

— Тебя как зовут?

— Катя, — сказала девочка, продолжая водить мелом по асфальту. — Смотри, я сказочный дворец нарисовала.

— Молодец! — похвалила Таня и протянула ей жвачку. — Держи!

— Спасибо! — поблагодарила Катя.

— Никакая ты не вредная, — улыбнулась Таня и встала. — Пошли. Я тоже иду по делу, к одному мальчику. Мы с ним математикой заниматься будем, но ты нам не помешаешь.

В квартире соловьём защёлкал звонок. В такт ему забилось Васино сердце: «Пришла!» Вася

распахнул дверь. На пороге стояла Таня. Вася открыл было рот, как вдруг из-за Таниной спины выглянула Катя и закричала:

— Я уже нагулялась!

— Так это твоя сестра? — вытаращила глаза Таня.

— Его, его! — обрадовалась Ка-тя. — И я всё маме скажу, что ты приходила к нему свататься.

— И правда вредная! — охнула Таня и покраснела.